

"Любовница по контракту"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Шэрон Кендрик

Любовница по контракту

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Этого не может быть! - пронзила Зуки внезапная догадка. Только не он! Кто угодно только не он! Но кого еще на свете можно принять за Паскуале Калиандро - этого дьявола, которого она имела несчастье когда-то встретить?

Господи, пожалуйста, молча молила она и в то же время не могла совладать с нараставшим где-то внутри желанием. За двадцать четыре года своей жизни она не встречала более привлекательного мужчины. А она их перевидала...

За время карьеры фотомодели ей приходилось работать со многими мужчинами манекенщиками, актерами и рок-звездами - фотографии которых украшали стены спален миллионов женщин во всем мире. Но ни один из них не мог сравниться с этим человеком, не оказывал на нее такого воздействия.

И не только на нее, с горечью добавила она, наблюдая, как все женщины вокруг следили, словно за гипнотизированные за эффектным длинноногим молодым мужчиной.

Сердце Зуки было готово вырваться из груди. Что, черт возьми, он делает здесь, на юге Франции? И что теперь делать ей? Интересно, заметил ли он ее? Но даже если заметил, вряд ли вспомнил бесстыжую девчонку, так страстно предлагавшую ему себя, когда ей едва исполнилось семнадцать.

Совершенно забыв о том, что она спустила узкие бретельки бикини, Зуки попыталась сесть в шезлонге, не отрывая взгляда от мужчины, который медленно шел по пляжу.

Шел к ней!

Она беспомощно всхлипнула, но не оторвала взгляда от мощной игры его бедер. Затем взглянула чуть выше. Боже правый! Ему нельзя выставлять себя напоказ в узких джинсах. Появись он не в этих легких, светлых, великолепно сшитых брюках, его могли бы, чего доброго, арестовать за неприличное поведение.

Блуждающий взгляд Зуки поднялся еще выше. Что за грудь! Широкая, мощная, покрытая темными волосами под белоснежной шелковой рубашкой.

У нее пересохло во рту, когда она, наконец, взглянула на его лицо: прекрасно очерченный рот, одновременно чувственный и жесткий. А этот гордый, аристократический, с горбинкой римский нос! Кто бы знал, оказывается, можно прийти в возбуждение от одного вида носа, подумала Зуки, пожирая его глазами, словцо любитель искусства, увидевший шедевр. Но взгляд темных глубоких глаз Паскуале, излучавших холод и неприкрытое презрение, заставил ее сердце сжаться.

- Та-ак, - протянул он с надменной усмешкой, останавливаясь возле ее шезлонга. - Я вижу, с годами твой аппетит не уменьшился, сага. [1]

От этих ранящих слов, произнесенных самым бархатным и сексуальным голосом, какой она когда-либо слышала, - загадочным сплавом американского и европейского оттенков, - с нее

тут же слетела ненадежная маска искушенности.

Думать логически она не могла, поэтому тут же заняла оборонительную позицию.

- И что это значит? - в бешенстве процедила она.

- Да ладно тебе... - с дьявольским презрением скривил он рот. - Я имею в виду, с каким вкусом ты изучала мое тело, Сюзанна.

- Зуки, - поправила она.

Паскуале удивленно поднял брови.

- А! Конечно - Зуки. - Он произнес ее имя так, что оно прозвучало, как непристойность. - Неплохо, и как раз для фотомодели с многочисленными любовниками...

Она попыталась опровергнуть столь очевидную ложь, но он продолжал, не обращая внимания на ее протест.

- Не имеет значения, как ты себя теперь называешь, - тихо произнес он, сурово глядя на нее. - Твои природные вульгарные инстинкты остались прежними, не так ли? Ты съела меня глазами. Всего, до последнего кусочка! - закончил он полным ненависти голосом.

Свинья!

Краска залила ей лицо, образовав два пылающих пятна на высоких скулах. Откинув копну волос, рассыпавшихся по хрупким плечам, она процедила:

- Ты себе льстишь, Паскуале. Впрочем, ты всегда был самонадеян.

Ей трудно было говорить: в горле у нее пересохло, язык стал жестким, как наждачная бумага.

На губах у него заиграла легкая улыбка.

- Неужели, Зуки! - вкрадчиво ответил он. - Лыщу себе?

Внезапная перемена тембра голоса, ласка, прозвучавшая, когда он произносил ее имя, привели ее в замешательство. Под его пристальным взглядом кровь стала пульсировать в висках, на запястьях и, призналась она со стыдом, в низу живота.

Взгляд Паскуале равнодушно блуждал по ее лицу, не задерживаясь на огромных, беспомощно взирающих на него глазах и на дрожащих в неосознанно соблазнительной гримасе губах. Интерес в его глазах вспыхнул лишь тогда, когда они остановились на груди Зуки. Безразличие сменилось зловещим огнем при виде этих пышных холмов. Она почувствовала, как ее груди налились, стали тяжелыми, а соски начали гореть от возбуждения. Только увидев его торжествующую улыбку, Зуки с ужасом обнаружила, что ее грудь полюбнажена.

- Боже мой! - воскликнула она и закрыла ее ладонями.

Паскуале умоляюще пробормотал хриплым голосом:

- Не прячь ее, сага! Такая великолепная грудь! Как страстно я желал бы взять в рот каждый сосок и ласкать их до тех пор, пока...

Схватив полотенце, Зуки накинула его на плечи, вся красная от смущения и волнения. Она попыталась натянуть на себя прозрачную ткань лифчика. Но под взглядом великолепных темных глаз ей это никак не удавалось.

Они не виделись семь лет, и все же двух минут в его обществе было достаточно, чтобы она снова погрузилась в темную эротическую пропасть, угрожавшую полностью ее поглотить. Это было похоже на кошмар.

- Отойди... от меня, - с трудом выдавила она.

Паскуале не шевельнулся - он и так стоял, совсем ее не касаясь, - но ее слова, очевидно, заставили его очнуться. Выражение явного, неприкрытого желания исчезло с лица и сменилось холодной, презрительной маской.

- Пожалуйста, - согласился он, помедлив. - Тем более что не такое это большое удовольствие - общаться с женщиной, которая предлагает себя первому встречному.

Оскорбленная, Зуки посмотрела на него своими янтарными миндалевидными глазами, в которых блестели еле сдерживаемые непрошенные слезы. Заслужила!

- Тебе бы я себя не предложила, будь ты даже единственным мужчиной во вселенной!

- Неужели? Значит, ты совершенно изменилась? - с издевкой поинтересовался он.

Что она могла на это ответить? Не такой она была лицемеркой, чтобы отрицать, как однажды ужасно вела себя с Паскуале Калиандро.

Все еще прижимая полотенце к груди, Зуки с минуту посидела молча. Любопытство боролось в ней со здравым смыслом, но первое все же взяло верх.

- Что ты здесь делаешь? - строго спросила она, и сердце ее при этом забило быстрее в детской надежде, которая, казалось, давно умерла, но теперь появилась снова с пугающей силой. - Ты что, приехал из-за меня?

Откинув назад голову, Паскуале, к ее досаде, разразился громким, торжествующим смехом, так что люди стали оборачиваться в их сторону. Но как только он перестал смеяться, лицо его снова стало холодным и суровым.

- Из-за тебя? - спросил он с язвительным скептицизмом, заставившим ее похолодеть. - Чего ради я стал бы это делать?

Желание отомстить было велико, и она ответила сухо, пожав плечами:

- О твоих романах ходят легенды.

- Правда? - заметил он тихо. - Я не знал, что ты так хорошо осведомлена о столь интимных подробностях моей жизни.

Ей захотелось разочаровать его - ее вовсе не интересуют ни он, ни его легендарные победы над прекрасным полом.

- Я, как и все, читаю светскую хронику.

- А-а, - кивнул он. - Вот в чем дело. Но, по крайней мере, дорогая, у меня нет репутации

человека, из-за которого распадаются семьи. Не как у некоторых, – заявил он обвиняющим тоном, увидев, что она снова покраснела. – Видишь, я тоже читаю светскую хронику.

Эта проклятая желтая пресса! Если верить ей, то у Зуки было больше любовников, чем у Маты Хари!

– Если ты намекаешь на тот нелепый скандал в Нью-Йорке – все это сплошное вранье.

вернуться

1

Дорогая (ит.).

Он недоверчиво вскинул брови.

– Да неужели? Подружке фотографа все показалось, и ты не спала с ее дружкой?

– Нет, не спала!

Он скривил рот в презрительной усмешке.

– А этот арабский принц-молодожен, так усердно ухаживавший за тобой на виду у своей молодой жены... Скажи, это тоже была сплошная ложь?

Вспомнив эту историю, Зуки вздохнула. Она познакомилась с принцем Абдуллой в Париже на коктейле, устроенном министерством иностранных дел Великобритании. Он был до смешного увлечен ею, но, как она подозревала, главным образом из-за того, что ее он абсолютно не интересовал. А он всегда получал то, чего хотел, и на этот раз ему нужна была она!

Дошло до того, что Абдулла предложил ей стать его второй женой, не позаботившись о том, чтобы развестись с первой. Зуки намеревалась высказать принцу все, что она о нем думает, но один из дипломатов министерства пригласил ее для конфиденциальной беседы. В то время между Великобританией и страной принца Абдуллы готовился к подписанию большой нефтяной проект. Поэтому будет лучше, если она не отвергнет принца сразу, а пощадит его самолюбие...

Позже дипломат поблагодарил Зуки за то, что она оказала большую помощь своей стране – может, Паскуале следует об этом знать? Она гордо вскинула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Этому есть совершенно простое объяснение, – ответила она спокойно.

Но его, казалось, не интересовали ни причины, ни объяснения. Он сверлил ее взглядом, презрительно усмехаясь одними уголками губ.

– Даже если предположить, что у меня репутация плейбоя, неужели ты думаешь, что я стал бы тебя искать? Да ты средоточие всего того, что я презираю в женщинах!

Уязвленная этими словами, Зуки не сразу обрела дар речи, от таких наговоров у нее вновь запылали щеки. Да, конечно, она вела себя не слишком хорошо, но неужели ее глупое поведение тогда, в далекой юности, заслуживает такого осуждения?

- Это нечестно... - произнесла она, запинаясь.

Паскуале присел на корточки, так что их глаза оказались на одном уровне, и она почти зримо ощутила волны ненависти, исходившие от него.

- Если я и увлекусь какой-нибудь женщиной, - сказал он с расстановкой, - то она будет твоей полной противоположностью. Хотя сомневаюсь, что такая вообще существует. Во всяком случае, пока я такой не встретил. Видишь ли, Зуки, мне нужна женщина, которая не включала бы зеленый свет при первой же встрече. Большинство мужчин - и я принадлежу к их числу - приводит в возбуждение азарт погони. А то, что получаешь без труда, на мой взгляд, не имеет ценности.

Зуки была до глубины души потрясена его ненавистью, но ни за что на свете не показала бы этого. Ее янтарные глаза угрожающе сверкнули.

- Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать все это.

- Разумеется, - согласился он, глядя на нее с вожделием. - У меня есть другое предложение. Почему бы нам не уйти отсюда? И не прилечь где-нибудь... вместе...

Каким-то образом ему удалось вложить в свои слова столько чувственности, что Зуки пришлось собрать последние остатки гордости, чтобы дать достойный отпор.

- Избавь меня от дешевых намеков, - бросила она, сверкнув глазами. - И реши, наконец: или ты меня настолько презираешь, что тебя тошнит от одного моего присутствия, или ты делаешь мне крайне неприличное предложение лечь с тобой в постель. Одно исключает другое, Паскуале. - Она печально покачала головой. - Боже мой, такой умный человек, каким ты себя считаешь, не может не видеть, что концы с концами не сходятся.

Зуки увидела боевой блеск в его глазах, но ответ прозвучал очень тихо:

- Человек не всегда думает головой.

- Уходи прочь! - процедила она сквозь стиснутые зубы и перекинула длинные загорелые ноги через подлокотник шезлонга. Убедившись в том, что верх бикини на месте, она сбросила полотенце и, встав, поискала глазами Сальваторе - фотографа, который привез ее сюда.

Предполагалось, что она сможет расслабиться после двух дней напряженных съемок для альбома, задуманного Сальваторе. Ничего себе - расслабилась! С появлением Паскуале она почувствовала себя так, словно находилась на линии огня в зоне боевых действий! Зуки двинулась в сторону дома.

- О нет. Не спеши.

Одним плавным движением Паскуале крепко схватил ее за запястье, и Зуки ужаснулась тому, как отреагировало ее тело на это прикосновение. И почему он такой высокий? Такой сильный? И такой великолепный? У нее пересохло в горле.

- Отпусти...

- Нет, - покачал он головой. - Нам с тобой надо поговорить.

- Мне нечего тебе сказать.

- Зато у меня найдется многое... - Голос его был хриплым и жестким.

- Мне это не интересно.

Боже, какая ложь! Она сгорала от желания узнать, что ему от нее надо, несмотря на инстинктивное желание быть от него как можно дальше. И он об этом догадывался.

- Напротив. Думаю, тебя это может заинтересовать.

Он все еще держал ее за руку, так что она не могла вырваться, но со стороны его железная хватка могла казаться просто легким, почти любовным прикосновением.

Она решила избрать другую тактику. Ведь ей и раньше приходилось отбиваться от мужчин. Она склонила голову набок, так что ее длинные локоны цвета сверкающего на солнце меда упали ей на грудь.

- Если ты будешь себя так вести, Паскуале, - рассудительно сказала она, - мне ничего не останется, как закричать, а это может повредить твоей репутации.

- Моя репутация меня не волнует, - высокомерно протянул он. - Однако если таково твое намерение, то и ты не оставляешь мне выбора, и я буду вынужден заткнуть тебе рот. - Он заметил ее замешательство и добавил: - Поцелуем, конечно. Насколько я помню, тебе нравились мои поцелуи, Зуки! Очень нра-ви-лись.

О-о! Неожиданный ритм, с которым были произнесены эти слова, был потрясающим! Зуки набрала воздуха в легкие и посмотрела Паскуале прямо в глаза.

- Чего ты хочешь?

- Поговорить.

- И это все?

- Пока - да.

В последних словах прозвучала угроза.

Когда Зуки познакомилась с Паскуале, она была совсем девчонкой и настолько подпала под влияние его магнетизма, что ничего не замечала, кроме его привлекательной внешности. Теперь, став взрослой, она поняла, что решительность составляла его сущность. Если Паскуале был намерен поговорить с ней, не стоило, во избежание дальнейших неприятностей, пытаться уйти от разговора.

- Отлично, - со вздохом согласилась она. - Говори. Я слушаю. Даю тебе пять минут - потом я уйду.

- Потом я уйду, - разделяя слова, произнес он в притворном ужасе. Неодобрительно щелкнув языком, он добавил: - Заплатить столько денег за образование в Швейцарии! И что же? В результате всех этих лет такие убогие предложенница...

Его слова задели ее за живое: она поняла, что ставит себя в глупое положение, ведь он явно дразнит ее. Она вообще не обязана с ним разговаривать. Она ничем ему не обязана. Она уже не наивная, доверчивая школьница, а независимая деловая женщина, имеющая все права, черт возьми!

Зуки молча направилась к дому, расталкивая праздношатающуюся толпу, но по сопровождавшему ее шепоту поняла, что Паскуале идет за ней.

Пусть идет! – подумала Зуки с упрямой решительностью. Она захлопнет дверь у него перед носом и запрется! Это будет ответ на его шантаж. Она сомневалась, захочет ли он, чтобы вся эта избранная, привилегированная публика стала свидетелем того, как он будет к ней ломиться.

Зуки чувствовала, что люди смотрят на них, а женщины провожают Паскуале взглядами, полными страсти. Когда-то и она была такой. Она содрогнулась от отвращения, заметив, что Паскуале остановился поговорить с какой-то официанткой. Она снова вспомнила о том, что куда-то запропастился Сальваторе. Но это было даже к лучшему: он бы стал расспрашивать, кто такой Паскуале, – а что она ему на это ответит? Не могла же она признаться, что Паскуале – брат ее лучшей подруги, мужчина, которого она однажды умоляла заняться с нею любовью? А он отказался.

И это было самым оскорбительным. Он отказался...

Зуки до сих пор вздрагивала при воспоминании о том, как она себя тогда вела. Гордиться было нечем! Все эти годы она настойчиво отодвигала память о прошлом в глубину сознания, но сегодняшняя встреча воскресила события тех дней с мучительной ясностью.

Зуки шла по дому, ступая босыми ногами по мраморному полу, с бьющимся в тревоге и возбуждении сердцем, преследуемая своим высоким, темноволосым, молчаливым учителем.

Ее комната была расположена на втором этаже, в противоположном от комнаты Сальваторе конце коридора. Она поспешно распахнула дверь, слыша за собой шаги Паскуале, его легкое дыхание и чувствуя его еле уловимый мужской запах, все еще волнующе знакомый даже после стольких лет.

Зуки обернулась и очутилась с ним лицом к лицу. Она тяжело дышала, а янтарные глаза сузились, как у львицы, готовящейся к прыжку.

– В конце концов, это смешно, – сказала она.

Загадочное выражение на лице Паскуале приводило ее в ярость.

– Согласен, – ответил он. – Ты превращаешь в фарс мое желание просто поговорить.

Она подумала об интимной обстановке спальни.

– Ладно. Но не здесь.

Он улыбнулся одними губами. Глаза сверкали холодным блеском.

– О? Почему же? А-а, я догадываюсь. Тебя смущает кровать, не так ли, Зуки? Боишься того, что может случиться, если останешься здесь со мной наедине?

Зуки судорожно сглотнула. Сколько раз ночами она представляла, как поведет себя, если, на свою беду, снова встретит Паскуале. Не станет обращать на него внимание или будет смотреть свысока? В голову приходили и более дикие фантазии, вроде той, что она готова была притвориться, будто вовсе с ним незнакома, и смотреть на него как бы в замешательстве. Но, глядя на Паскуале теперь, она поняла, что на это вряд ли хватило бы ее актерских

способностей.

Во всяком случае, в ее планы не входило показать ему, что он все еще имеет над ней власть. Ни в коем случае! А что происходило на деле?

Глубоко вздохнув, она стала весьма ненатурально разыгрывать роль гостеприимной хозяйки. Улыбнувшись ему лучезарной улыбкой, какой она обычно улыбалась перед камерой, она сделала жест рукой, приглашая его войти.

- Извини меня, - сказала она с показной искренностью, и, судя по тому, как его передернуло, эта неискренность не осталась незамеченной. - Последние дни были очень напряженными - слишком много работы. Знаешь, как это бывает. - Взглянув на часики, она одарила его холодной, уверенной улыбкой. - Я могу уделить тебе... десять минут. Этого достаточно?

- Более чем, - сухо ответил он и прошел за ней в комнату.

Паскуале подошел к окну, выходящему на бассейн, и с минуту молчал, глядя на сидящих внизу за столиками людей, расправлявшихся с блестящими красными лангустами, на женщин, осторожно, чтобы не смазать губную помаду, поглощающих нежную розовую мякоть. Зуки вдруг почувствовала, как ее охватила дрожь.

- Как поживает Франческа? - неожиданно спросила она.

Паскуале мгновенно напрягся. Лицо его окаменело, он холодно и мрачно взглянул на Зуки.

- Тебе это интересно?

- Разумеется, интересно! Она была моей лучшей подругой - пока ты не забрал ее из пансиона и не запретил ей со мной встречаться!

- И я никогда не жалел о своем решении. Мне не нравилась ее компания.

- Под компанией ты, скорее всего, подразумеваешь меня! - заявила она гордо.

Он внимательно посмотрел на нее.

- Да, Зуки, я имею в виду тебя.

- Дурное влияние? - едко заметила она.

- Совершенно верно, - усмехнулся он. - Я не мог позволить своей сестре вести себя так же, как вела себя ты. Известно, что молодые девушки склонны поддаваться влиянию старших подруг. Если ты считала совершенно нормальным спать с кем попало, Франческе я не мог этого позволить.

С болью в сердце Зуки отвернулась от этих внимательных, осуждающих темных глаз. Он все еще думает о ней как о женщине легкого поведения - так стоит ли защищаться? Да и как можно защититься, если все, что он говорит, правда!..

- Ты за этим сюда пришел? - с горечью спросила она. - Ворошить прошлое? Но ты уже ясно дал понять, что обо мне думаешь. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения...

- А когда-то имело? - вкрадчиво спросил он. - Или я был просто еще одним мужчиной, которого ты обвивала своими великолепными ногами?

Жестокое осуждение, сквозившее в его словах, вызвало ярость у Зуки. Сверкнув глазами, она ответила, не задумываясь:

- Конечно. Ты был старшим братом моей лучшей подруги, я гостила в вашем доме, а ты вышвырнул меня! Вытолкнул, как какую-нибудь преступницу, поломал мне каникулы. И мне пришлось еще объясняться с мамой.

- Что ты ей сказала? - спросил он тихо, и по его лицу пробежала смутная тень.

- Не беспокойся, - презрительно ответила она. Взгляд ее был ледяным. - Своим телефонным звонком ты сумел успокоить ее. Не знаю, как тебе это удалось, но она была уверена, что ничего не произошло, что все в порядке. Я, естественно, не стала ее разубеждать и говорить правду - что ты вышвырнул меня из своей постели и из своего дома в течение нескольких часов!

- Dio! [2] - простонал он. - Зачем же так грубо?

- Извини, если это прозвучало грубо, - сказала она спокойно. - Но ведь это правда. Это было ужасно. Мне бы хотелось все забыть. Говорю тебе в последний раз: у меня нет никакого желания ворошить прошлое, если ты за этим приехал.

Он посмотрел на нее долгим взглядом и покачал головой.

- Нет, не за этим.

- Тогда зачем? - в недоумении спросила Зуки.

- Я приехал, чтобы просить тебя об одолжении, - просто ответил он.

Она вдруг почувствовала, что значение слов улетучивается, подобно паутине, сдуваемой ветерком, а остается лишь притягивающий мягкий блеск его темных глаз, имеющий над ней небывалую власть. Память возвратила ее назад, в то далекое время, когда она впервые увидела Паскуале Калиандро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- Ты уверена, что они не будут возражать? - спросила Сюзанна, заканчивая портрет своей подруги как раз в тот момент, когда самолет стал делать последние круги над аэропортом Рима.

- Кто?

Франческа была слишком занята тем, что всю строила глазки стюарду, чтобы прислушиваться к словам подруги.

- Твои родные, кто же еще. - Сюзанна перебросила через плечо рыжевато-каштановую косу. - Я им очень благодарна за то, что они пригласили меня погостить.

- Им все равно, кого я приглашаю, - пожала плечами Франческа. - Их никогда не бывает дома. Папа все время работает и часто уезжает по делам. А мачеха наверняка в Париже. Прочесывает улицы в поисках очередного жиголо...

- Франческа! - в ужасе воскликнула шокированная Сюзанна. - Ты серьезно?

- А ты думала! - с незнакомой Сюзанне горечью ответила Франческа. - Она на двадцать лет моложе отца. Тратит его деньги направоу и флиртует с любым, лишь бы тот был в брюках, - с отвращением закончила она.

- Почему же твой отец остается с ней? - тихо спросила Сюзанна.

- Потому что она красивая. Почему же еще?..

На мгновение Франческа замолкла, а когда вновь заговорила, то в голосе зазвучал обычный сарказм:

- Так что остается только старший брат, а он хуже тюремщика. Но ты, по крайней мере, сможешь служить моим алиби.

- Алиби? - неуверенно откликнулась Сюзанна.

- Ну да. - Франческа сверкнула глазами. - Он не разрешает мне встречаться с мальчиками, поэтому я уже ничего ему не рассказываю. А если он тебя спросит, ты скажешь, что в последний раз видела меня в церкви.

- Франческа! - смутилась Сюзанна, теребя подол своего платья. Она иногда не понимала, следует ли воспринимать всерьез замечания своей взбалмошной подруги. - Что ты такое говоришь!

- Я знаю: мои каникулы будут испорчены, - пожаловалась Франческа. - А какие были потрясающие дискотеки, когда мы учились, - жаль, что ты со мной не ходила.

- Я не очень-то люблю дискотеки, - покачала головой Сюзанна.

вернуться

2

Боже! (ит.).

Она чувствовала себя неловко на дискотеках. Вообще при ее росте в шесть футов это было неизбежно.

- Это потому, что ты никогда на них не ходила. - Взгляд Франчески упал на набросок в руках Сюзанны. - Ой! Здорово! Это я?

- Тебе нравится? - улыбнулась Сюзанна.

- Да. Можно я возьму его себе?

- Конечно.

Самолет уже приземлялся, и для разговоров не было времени, пока они не сели в сверкающий лимузин, который повез их в резиденцию Калиандро. Всю дорогу Франческа без умолку болтала, расплетая косы Сюзанны и расчесывая их в локоны. Сюзанна же была слишком восхищена захватывающей красотой проносящегося мимо пейзажа, чтобы вспоминать о том, что ей сказала подруга насчет алиби.

Сюзанна и Франческа заканчивали учебу в частном пансионе в Швейцарии. «Этот пансион рано или поздно прикончит меня», – шутила Франческа. Это был дорогой пансион, который готовил девушек из общества к светской жизни. Все они были из богатых и благородных, но большей частью распавшихся семей.

Отец Сюзанны умер, оставив жену, сына и дочь, а также автомобильный завод, по поводу которого сын питал весьма амбициозные надежды. Денег было мало, однако полис, оформленный при рождении Сюзанны, обеспечивал ей дорогостоящее образование. Но ее беспокоило благосостояние матери и безответственность брата Пьера, который теперь возглавлял семейный бизнес...

Мать Франчески умерла несколько лет тому назад, и ее отец очень скоро снова женился. Франческа считала этот брак ошибкой, и было очевидно, что они с мачехой не любили друг друга. «А мой брат просто ее ненавидит! – добавляла она. – Совершенно ее не выносит».

Не похоже, что это счастливая семья, неожиданно подумала Сюзанна. Ее размышления прервал возглас Франчески:

- Приехали!

Машина остановилась перед величественным белым зданием. Голос Франчески понизился до драматического шепота:

- А вот идет Паскуале, мой брат, так что не забудь: если он спросит, встречаюсь ли я с мужчинами, скажи, что они меня абсолютно не интересуют.

В окно лимузина Сюзанна увидела самого красивого мужчину, какого она когда-либо встречала, и сердце ее болезненно екнуло. Она даже несколько раз моргнула, чтобы удостовериться, что ей не показалось.

Невероятно, но это был не сон!

Для итальянца он имел необыкновенно высокий рост. У него были широкие, сильные плечи и узкие бедра. Гордый римский нос и темные блестящие глаза. Наивной и не знающей мужчин Сюзанне он показался героем романтических книг, которые она читала подростком. Она была совершенно сражена.

Много позже она призналась себе, что просто в тот период была готова в кого-нибудь влюбиться – практически в любого. На ее несчастье, им оказался Паскуале...

Он поцеловал сестру в обе щеки, а затем протянул руку Сюзанне.

Солнце освещало Сюзанну сзади, и вокруг ее головы образовался золотистый нимб. Во всяком случае, так ей позже сказала Франческа.

Очертания ее молодого стройного тела лишь угадывались под коротким легким белым платьем, однако в глазах Паскуале Калиандро появилась какая-то настороженность. Он пожал ее маленькую руку сильным, мужским рукопожатием и встретил ее завороченный взгляд прищуренными глазами и суровым выражением лица.

А Сюзанна не могла понять, почему так странно бьется сердце с того самого момента, когда она впервые увидела Паскуале.

- Мне кажется, мой брат положил на тебя глаз, - сказала в тот же вечер Франческа, когда они готовились ко сну. - Он просто пожирал тебя взглядом.

- Чепуха! - страшно покраснев, ответила Сюзанна.

Несколько дней спустя, плавая утром в бассейне, она снова уверила себя, что все это было чепухой. Если нравишься мужчине, он не станет практически игнорировать тебя, да еще так откровенно грубо. И, конечно же, не будет разговаривать в такой резкой манере. Однажды Паскуале даже посмел посоветовать ей не ходить с опущенной головой, а гордиться своим ростом!

Чтобы как-то унять жар в крови, от которого она никак не могла избавиться, Сюзанна делала в воде один поворот за другим и размышляла о том, что, вероятней всего, она ему неприятна - ведь он почти с ней не разговаривает!

Но временами...

Ее охватила дрожь. Были моменты, когда, обернувшись, она ловила на себе его взгляд. Он просто задумчиво наблюдал за ней с суровостью, вызывавшей в ней ужас и вместе с тем приводившей ее в возбуждение.

Всего один раз Паскуале сделал ей комплимент. Это случилось, когда он застал ее в саду за рисованием.

Стоя молча за ее спиной и разглядывая рисунок, он одобрительно кивнул головой, наблюдая, как точно она воспроизводит очертания увитой виноградом стеклянной оранжереи.

- Хорошо получается, - заметил он. - Я думаю, ты могла бы заняться этим профессионально.

От этой неожиданной похвалы Сюзанна залилась краской.

Она перевернулась на спину и, лениво перебирая ногами, стала плавать кругами в прохладной воде бассейна.

Странная семья живет в этом доме, размышляла она. Франческа, казалось, только и делала, что придумывала, как бы ей улизнуть на какую-нибудь дискотеку. Но пока ей ничего не удавалось, так как Паскуале был категорически против этого.

- Ты слишком молода, - заявил он и посмотрел на Сюзанну. - Вы часто ходите на дискотеки? - спросил он с подозрением.

- Никогда! - в один голос ответили подруги, но ложь Франчески вогнала Сюзанну в такую краску, что Паскуале не мог этого не заметить.

Отца Франчески и Паскуале она вообще редко видела. Это был молчаливый красивый мужчина шестидесяти лет, с проседью в темных волосах, который, как и предсказывала Франческа, много работал, приезжая домой лишь вечером. Обедали они обычно втроем, так как Паскуале, как правило, проводил вечера с женщинами, которые ему постоянно звонили. Мачеха Франчески все еще находилась в Париже.

Но сегодня Сюзанна была в доме одна. Паскуале отправился на работу, синьор Калиандро улетел на день в Неаполь, а Франческа поехала навестить свою бабушку, живущую на другом конце города. Она приглашала Сюзанну поехать с ней, но та знала, что пожилая леди плохо

говорит по-английски, поэтому будет лучше, если Франческа поедет без нее. Кроме того, Сюзанне нравилось быть одной в этом роскошном доме.

Бассейн был большой, а вода – прохладная. Сюзанна нырнула и стала плавать на глубине. У нее почти кончился воздух, когда страшная судорога вдруг свела ей ногу.

Возможно, если бы в легких у нее было достаточно воздуха и она не находилась бы на дне бассейна, она не стала бы паниковать. Но она запаниковала и сделала худшее, что могла сделать, – глотнула воды и стала беспорядочно молотить по воде руками и ногами.

Она почувствовала себя так, будто ее голова и грудь вот-вот разорвутся, но в этот момент чьи-то руки обхватили ее за талию. Инстинктивно она попыталась освободиться, но тот, кто держал ее, был сильным и не отпускал.

Крепкие руки подняли ее на поверхность, и она с жадностью хватала ртом воздух, откинувшись назад, на стену железных мускулов. Ей не надо было оборачиваться, чтобы понять, что ее спасителем был Паскуале.

Его руки все еще держали ее за талию, и на мгновение его голова коснулась ее волос.

- Dio! – в ярости воскликнул Паскуале и, оттолкнувшись, поплыл к ступенькам.

Он вылез, подхватив ее на руки, и положил на мягкую, согретую солнцем траву. Она заметила, что он нырнул в бассейн одетым, не сняв даже замечательных, мягких, ручной работы ботинок. Шелковая рубашка прилипла к телу, как вторая кожа, а под промокшими насквозь брюками вырисовывалась крепкая мускулатура его бедер.

- Безмозглая дура! – Глаза его сверкали. – Форменная идиотка! – кипятился он, тщательно ощупывая бесстрастными пальцами ее тело, как это сделал бы врач, чтобы обнаружить возможные переломы.

- Мне жаль... – Она вся дрожала, чувствуя его теплые, уверенные прикосновения.

- И правильно! – ответил он свирепым голосом. – Ты понимаешь, что могла утонуть? – Он внимательно посмотрел на ее бледное, испуганное лицо. – Скажи, где-нибудь болит? – потребовал он.

Это было унижительно, но у нее вдруг так застучали зубы, что она не смогла ответить.

- Болит? – повторил он все тем же тоном. – Ты ушиблась? Отвечай!

Не в силах больше выдержать его грубость, особенно теперь, когда она чувствовала себя такой уязвимой, она сделала то, чего не делала с тех пор, как год назад умер ее отец, – она расплакалась.

Его поведение мгновенно изменилось. Казалось, Паскуале был потрясен. Он обнял и прижал ее к себе, приложив сильную руку к ее затылку, как бы защищая ее.

- Не плачь, bella mia, [3] – прошептал он. – Для слез нет причины. Все хорошо.

Но она зарыдала еще сильнее, только сейчас осознав, что могло случиться, если бы не Паскуале. Он же тихо выругался и, подняв ее на руки, понес в дом. А ей только и оставалось, что прислонить голову к его груди и постараться успокоиться. Вот так, в его руках, она

чувствовала себя как в раю, и, хотя была мокрая и липкая, ей хотелось, чтобы он держал ее так всегда.

- Куда ты меня несешь? - удивилась Сюзанна, когда он стал подниматься по лестнице.

- Вытереть тебя насухо, - отозвался Паскуале.

Минутная нежность сменилась его обычной скупой манерой говорить, и ей было непонятно, почему он все еще сердится.

Он отнес Сюзанну в ее комнату и опустил на толстый ковер. Оглядывая спальню, он мельком взглянул на лежавшие в открытом ящике комода трусики и лифчик. Сюзанна покраснела.

- У тебя есть махровый халат?

Она помотала головой. Кто же берет с собой махровый халат в Италию в разгар лета! У нее был только шелковый халатик.

- Оставайся на месте! - приказал Паскуале и вышел.

Вернувшись с роскошным темно-синим халатом, видимо своим, и бросив его на кровать, он снова приказал:

- Раздевайся. Всеними. Надень халат, а я приготовлю ванну.

Если бы такой двусмысленный приказ отдал какой-нибудь другой мужчина, Сюзанна стала бы кричать, призывая на помощь. Но поскольку это был Паскуале, она просто кивнула. Не оглянувшись, он пошел в ванную, но движения его были странно скованными. Сюзанна тем временем принялась выполнять его приказ.

Однако легче было сказать, чем сделать. Она никогда бы не подумала, что так трудно снять две тоненькие полоски мокрой ткани, прилипшей к холодной влажной коже, но пальцы ее одеревенели и дрожали.

Поэтому, когда дверь ванной открылась, и в клубах восхитительно пахнущего пара появился Паскуале, она все еще сидела на полу, пытаясь расстегнуть на спине застежку бикини и плача от безысходности.

Ей показалось, что на какое-то мгновение он застыл, как будто никогда не видел полуголой женщины, но это было полной ерундой. Франческа уже рассказывала ей о многочисленных случаях, когда Паскуале, еще учась в школе-интернате, тайком выпроваживал девушек из своей комнаты. Одного взгляда на эту могучую фигуру было достаточно, чтобы представить: Паскуале был искушен во всех тонкостях любовных отношений...

По его напряженному лицу промелькнула загадочная тень. В его взгляде было нечто такое, что даже неискушенная Сюзанна определила как желание. Пробормотав что-то по-итальянски, он приблизился к ней.

- Извини... - промямлила она. - Я не могу... У меня пальцы...

Он покачал головой и, не говоря ни слова, одним плавным движением ловко расстегнул застежку. Сюзанну пронзило острое чувство ревности, когда она представила себе, как эти сильные загорелые руки раздевают других женщин. Но когда ее груди вырвались на волю, она

услышала, как Паскуале судорожно перевел дыхание.

Он накинул на нее халат, а затем быстро завязал пояс. Потом опустился перед ней на колени и продел руки под халат, коснувшись ее голых бедер. Потрясенная этим прикосновением, Сюзанна замерла. Она чувствовала его горячие пальцы на своей прохладной коже, но Паскуале отвел глаза, пока стягивал бикини с ее узких бедер. А когда его руки скользнули по внутренней стороне бедер, озноб и неловкость вдруг совершенно исчезли.

Что-то горячее и мощное пробежало по ее венам со скоростью лесного пожара. Сюзанна непроизвольно содрогнулась оттого, что впервые в жизни ощутила себя женщиной.

И Паскуале почувствовал ее реакцию? Иначе, почему стиснул зубы так, что его рот стал суровой, почти пугающей линией? А что означал строгий взгляд темных блестящих глаз, преобразивший его в незабываемого, но несколько пугающего незнакомца?

- А теперь марш в ванну! - скомандовал он, отбросив в сторону бикини, как что-то заразное. Он поднялся с колен и направился к двери, однако его движения не были столь уверенными, как обычно. - И вылезай через двадцать минут! - приказал он. Затем почти шутливым тоном, несколько ослабившим страшное напряжение, витавшее в воздухе, добавил: - Спать не разрешается! Поняла?

- Да, Паскуале, - робко ответила Сюзанна.

- Хорошо. Я пойду вниз и приготовлю тебе кофе.

В каком-то оцепенении она вошла в ванную. На ней все еще был его халат, и ей не хотелось с ним расставаться, потому что от него шел запах Паскуале, такой божественный, что его невозможно было определить словами. Обхватив себя руками, Сюзанна подошла к зеркалу, протерла рукавом запотевшее стекло и стала заморожено вглядываться в свое лицо - порозовевшие щеки и странный, почти лихорадочный блеск в глазах.

Что она себе вообразила? Что это краткое прикосновение подействовало на него так же, как на нее? Что Паскуале Калиандро, имя которого на устах у всего Рима, заинтересовался школьницей?

Да никогда! - честно призналась она себе с неохотой, снимая халат и опускаясь в прозрачную горячую воду.

Ванна привела ее в почти нормальное состояние. Сюзанна вымыла голову и не стала заплетать косы. Надев белые джинсы и свободный белый хлопчатобумажный свитер, она спустилась вниз.

Остановившись в дверях кухни, она с удовольствием стала наблюдать за Паскуале - этим воплощением настоящего мужчины, - поразившись тому, как абсолютно уверенно он себя чувствует на кухне.

- Лучше стало? - спокойно взглянул он на нее.

Физически ей, безусловно, стало лучше. Но она все еще чувствовала вызванный его прикосновением жар в крови.

- Гораздо лучше, - вежливо ответила она, и вдруг ее прорвало: - Я хочу поблагодарить тебя, Паскуале, за... - это звучало явно слишком высокопарно, но ей необходимо было это сказать, -

за то, что ты спас мне жизнь, – выпалила она.

– Давай забудем об этом, – покачал он головой и мягко улыбнулся.

Но она-то никогда этого не забудет, и росток ее почти детской влюбленности в Паскуале вдруг стал неудержимо распускаться и вот уже расцвел пышным цветом.

Я влюбилась в него, со спокойной уверенностью подумала девушка.

– Садись, – предложил он.

Сюзанна пододвинула высокий табурет и села, облокотившись на стойку. Она стала судорожно подыскивать тему для разговора, который не касался бы того, что всего несколько минут назад он видел ее полуголой. С распущенными влажными волосами и без всякой косметики она вдруг почувствовала себя просто маленькой неинтересной девчонкой.

– А ты здорово смотришься на кухне! – улыбнулась она. – Я удивлена.

Паскуале чуть приподнял брови, но ничего не ответил. Немного погодя, наливая в чашку душистый напиток, он сказал:

– Итальянские мужчины славятся многими вещами, но не своими подвигами на кухне.

Это-то она знала. Ей было также известно, чем именно славятся итальянские мужчины... Тем, что они замечательные любовники... Сглотнув, она набрала воздуха и пошутила:

– Ты, стало быть, решил изменить традицию?

Его великолепные глаза неожиданно затуманились.

– Увы, приходится. Нельзя все время иметь под рукой слуг, а с тех пор, как умерла моя мать... – он несколько замялся, – отец так долго не мог прийти в себя, а Франческа была еще совсем маленькой...

Сюзанна была готова откусить себе язык за такой промах.

– О Боже, – прошептала она, – я не хотела напоминать.

– Со временем вырабатывается иммунитет против боли, Сюзанна. Я слышал, твой отец умер совершенно неожиданно? – сочувственно спросил он.

вернуться

3

Моя красавица (ит.).

– Тебе Франческа рассказала?

– Да. – Он немного помолчал, глядя ей прямо в глаза. – Кажется, он погиб в автомобильной катастрофе?

Если бы об этом спросил кто-нибудь другой, а не Паскуале, она, наверно, посчитала бы такой

вопрос недопустимым вмешательством в ее личную жизнь. Но из его уст вопрос прозвучал настолько естественно, что она просто ответила:

- Да.

- Ты о нем вспомнила там, в бассейне, когда стала плакать?

- Как ты догадался? - Его пронизательность ошеломила ее.

- Я очень хорошо понимаю разницу между шоком и печалью. А держать все в себе очень плохо. - Он мягко ей улыбнулся. - Допивай кофе, и я повезу тебя на ланч. Это тебя развеселит.

На ланч? Она почувствовала себя Золушкой.

- Ты не шутишь?

- Ничуть, - ответил он сухо, загадочно улыбнувшись. - Видишь ли, итальянские мужчины славятся еще тем, что им нравится появляться на публике с исключительно красивыми молодыми девушками.

Она поняла, что он намеренно подчеркнул слово «молодыми», но ей было все равно.

Значение имело только то, что Паскуале пригласил ее на ланч.

Этот ланч запомнился ей надолго. Паскуале привел ее в прелестный ресторан и был воплощением предупредительности. Еда была вкуснейшей, а вино - он позволил ей выпить половину бокала - необыкновенным. Он вел себя совершенно свободно в этой элегантной обстановке, и она старалась выглядеть такой же. Ланч был омрачен лишь тем, что, по крайней мере, три женщины подошли поздороваться с ним - и все три были так опытны и так уверены в себе... Мысленно она пожелала, чтобы все они попадали, зацепившись своими дурацкими высоченными каблуками.

Домой они вернулись после трех. Сюзанна чувствовала себя совершенно успокоившейся и довольной, ей было интересно, что он предложит делать дальше. Но Паскуале даже не вышел из машины.

- А теперь развлекайся сама. - Он сурово взглянул на нее. - Но, пожалуйста, больше не плавай - во всяком случае, сегодня.

- А ты куда поедешь? - спросила она, не скрывая разочарования.

- На работу. Будь добра, передай папе и Франческе, что я вернусь поздно. - К ужину меня не ждите.

Возвращаясь на уютную зеленую виллу, Сюзанна чувствовала себя брошенной. Остаток дня она провела, пытаясь написать письмо. Но ее все время отвлекал то неожиданно поднявшийся ветер, то раздававшиеся в отдалении зловещие раскаты грома.

Ей уже хотелось, чтобы кто-нибудь из обитателей дома вернулся, но они все не ехали. Ни Франческа, ни синьор Калиандро. Вилла вдруг стала казаться ей страшно большой и ужасно пустой. Не было никого, кроме нее да поварихи на кухне.

В шесть часов позвонила Франческа и сообщила, что останется у бабушки.

- У нас сильный дождь, - объяснила она, - и тучи движутся к вам. С тобой все в порядке? Папа и Паскуале уже вернулись?

Сюзанне не хотелось расстраивать подругу, и она не сказала ей, что Паскуале не приедет к ужину. А о синьоре она вообще ничего не знала.

Она решила занять себя чем-нибудь, тем более что в доме было достаточно развлечений для взрослых - видеозаписи классических фильмов, хранившиеся в кинозале с экраном, и большая библиотека, в которой было достаточно книг на английском языке: даже заядлому книголюбу их хватило бы на годы.

Так что весь вечер Сюзанна развлекалась, как могла. Она сделала себе маникюр и педикюр, взяла щипцы Франчески и завила волосы в локоны.

Повариха была явно обеспокоена погодой, и Сюзанна разрешила ей уйти домой.

Однако позже, взобравшись на высокий табурет в кухне и доедая цыпленка с салатом, приготовленные на ужин, Сюзанна заметила, что гроза разыгралась не на шутку.

Она вообще-то не любила грозу, а тем более было неприятно оказаться в грозу здесь, в этой большой пустой вилле, да еще в чужой стране...

Сюзанна прошлась по комнатам, проверяя, хорошо ли закрыты окна. Ветер завывал, как голодный зверь, а ливень хлестал по стеклам непрерывными потоками.

Она сидела в постели, читая книгу, когда вдруг погас свет. Она вскрикнула от неожиданной темноты, окутавшей комнату, как черное душное одеяло.

Сюзанна попыталась успокоить себя, что это всего лишь короткое замыкание, обычное в такую грозу, но это не помогло, и она снова закричала, когда в окно громко застучала ветка, словно кто-то снаружи пытался проникнуть в комнату.

Сюзанна не помнила, сколько времени пролежала, закрывшись с головой одеялом и дрожа от страха, но вдруг почувствовала, как кто-то срывает с нее одеяло, и увидела Паскуале, в забрызганном дождем костюме, с мокрыми волосами, прилипшими к его великолепной голове.

Он взял ее за плечи и, приподняв, внимательно посмотрел в лицо.

- Ты в порядке? - во второй раз за этот день коротко спросил он, но она только робко кивнула. - Правда?

- Да.

- А где все?

- Франческа позвонила и сказала, что дождь слишком сильный, и она не сможет вернуться. А о твоём отце я ничего не знаю.

- Аэропорт закрыли, - отрывисто бросил он, но потом его голос смягчился: - Тебе было очень страшно здесь одной?

- Нет, не очень, - солгала она, бравируя, хотя слова ее прозвучали не слишком уверенно. Но, взглянув на Паскуале, она вдруг почувствовала себя в полной безопасности.

- Оставайся здесь. Не выходи. Я попытаюсь сделать что-нибудь со светом.

У нее и не было никакого намерения выходить. Она послушно откинулась на подушки и лежала так, пока он не окликнул ее. Она соскочила с постели и, выбежав за дверь, наткнулась на Паскуале, который держал в руке подсвечник с тремя мигающими свечами, отбрасывавшими странные, загадочные тени на его лицо. Он похож на человека, сошедшего с картины, на существо из другого века, пронеслось у нее в голове.

- Спускайся вниз и согрейся. Она последовала за ним и стала наблюдать, как Паскуале разжигает камин. Затем он принес две рюмки бренди и поставил их на столик возле пылающего огня.

Она заметила, что он переоделся. Промокший костюм сменили черная кашемировая водолазка и черные джинсы. Он был босой, и она не могла не заметить, какой красивой формы у него пальцы на ногах. Подумать только, даже ступни могут быть красивыми! С ней и вправду не все в порядке. Во рту у нее пересохло, а сердце громко застучало, когда он встретил холодным взглядом ее робкую улыбку.

- Бренди? - спросил он сухо.

Она вспомнила, как Паскуале был строг с ней во время ланча, разрешив выпить лишь половину бокала вина. Возможно, и он подумал об этом, потому что рассмеялся.

- В чисто лечебных целях. Ты выглядишь бледной и напуганной. У тебя был тяжелый день, Сюзанна.

Прозвучит совершенно неправдоподобно, если она скажет, что никогда раньше не пробовала бренди, подумала девушка. К тому же он точно определил ее состояние как шок.

- Немного, пожалуй, - согласилась она, усевшись на ковер и протягивая руки к огню.

Горьковато-сладкое бренди обожгло ей горло, но она моментально почувствовала разлившееся по телу тепло.

- Теперь лучше?

- Ммм! Намного!

Она на мгновение закрыла глаза и блаженно улыбнулась. Но, открыв их снова, увидела, что Паскуале внимательно за ней наблюдает. Какое-то неуловимое выражение промелькнуло по его лицу, и он встал.

- Пора спать, - произнес он решительным тоном. - Уже поздно. Я здесь приберусь, а ты ступай наверх. Вот, возьми свечку, но не забудь ее потушить.

Однако Сюзанна никак не могла заснуть. За окном барабанил дождь, а в ее душе бушевала буря. Она вдруг снова почувствовала на себе его руки, когда он нес ее из бассейна, вспомнила, как эти сильные руки, расстегнув застежку бикини, освободили ее грудь.

Девушка беспокойно вертелась с боку на бок, пока, в конце концов, не отказалась от попыток уснуть. Она решила пойти поискать спички, чтобы зажечь свечку и почитать.

Набросив шелковый халатик, она бесшумно спустилась на кухню и, найдя спички, стала

пробираться обратно в свою спальню. Неожиданно перед ней возникла темная фигура, и она почти столкнулась с Паскуале.

На нем были только черные шелковые пижамные штаны, и Сюзанна поймала себя на том, что ее взгляд прикован к его широкой груди. Волосы его были взлохмачены, а подбородок отливал чернотой в загадочном желтом свете молний.

- Что это ты бродишь по дому? - произнес он голосом, который был одновременно грозным и мягким. Взгляд его на мгновение задержался на ее груди, тревожно вздымавшейся под тонким шелком халатика. - Ты почему не в постели?

Его слова прозвучали так, будто Сюзанна совершила преступление.

- Потому что я не могла уснуть, - ответила она, защищаясь.

Наступило молчание, прерывавшееся лишь его хриплым дыханием.

- И я не мог, - признался он, в конце концов и спросил: - Ты боишься грозы?

- Немного, - кивнула она.

- Бояться нечего, - сказал он и, положив ей руку на талию, стал легонько подталкивать ее к спальне. - Разве ты не знаешь, что это просто боги хлопают в ладоши? Тебе в детстве об этом не рассказывали?

Как раз в этот момент мощный раскат грома сотряс дом, и Сюзанна со страху подскочила.

- Ложись в постель, - коротко приказал он.

Она повиновалась, но посмотрела на него огромными глазами, полными мольбы.

- Нет, Сюзанна. Нет, - покачал он головой. - Ты сама не знаешь, о чем просишь, - сказал он, глядя на нее искоса.

Она и не подозревала о том, что просит о чем-то, но вдруг поняла, что хочет, чтобы он остался и защитил ее от бушевавшей за окнами стихии.

А от той, что внутри? - промелькнуло у нее в голове.

- Ладно, я посижу здесь, пока ты не уснешь, - неохотно согласился он странно отрешенным голосом.

Сюзанна скользнула под пуховое одеяло, прислушиваясь к гулкому биению сердца, отдававшемуся у нее в ушах.

Паскуале присел на край кровати, как можно дальше от нее.

- А теперь спи, - проговорил он тихо. - С тобой ничего не случится, пока я здесь.

Проснувшись, Сюзанна обнаружила, что лежит под своим пуховым одеялом в объятиях Паскуале, что ее голова покоится у него на плече, а сам он спит. Прислушиваясь к его равномерному дыханию и повинувшись инстинкту человека, не совсем проснувшегося, она еще теснее прильнула к нему. Он прижал ее к себе. Никогда еще Сюзанна не чувствовала себя

такой защищенной. Она немного сползла вниз, чтобы коснуться щекой его голой груди и услышать громкое и ровное биение сердца.

Она не могла устоять. Просто не могла ничего с собой поделать. Подняв голову, она поцеловала его в шею, а он, вздохнув, пошевелился и, лениво протянув руку, захватил ладонью ее грудь вместе с тонким шелком ночной рубашки и стал гладить набухающий сосок.

Потом он расстегнул ночную рубашку, обнажив ей грудь и шепча что-то на своем родном языке.

Она не разбирала слов, но воспринимала чарующий ритм итальянского языка почти как поэзию. А потом он стал целовать сосок, и она содрогнулась, когда его рука скользнула вниз и подняла край рубашки выше колен.

Он стал целовать ее в губы долгими, настойчивыми и глубокими поцелуями. Сюзанна разомкнула губы, будто уже с рождения знала, какого он ждет от нее ответа.

Он засмеялся хриплым смехом, в котором слышались и восхищение, и неприкрытое желание, и стал гладить ее нежную кожу на внутренней стороне бедра, вызвав у нее восторженный стон. Ее желание стало ей неподвластно, и она еще теснее прижалась к нему.

Он опять засмеялся и, взяв ее руку, положил на пояс своей пижамы, не скрывавшей возбуждение его плоти, тихо шепча ей на ухо что-то бессвязное.

Ее знание итальянского было поверхностным, но она поняла его желание – руки говорили за него, а настоящая мольба, звучащая в голосе, была понятна так же, как если бы он говорил по-английски... Раздень меня...

Сюзанна будто знала с рождения, что надо делать. С легким стоном она просунула руку под пояс пижамы, нисколько не смущаясь тем, что делает. Взяв своей рукой твердую шелковистую плоть, она стала нежно водить пальцами вверх и вниз, приходя в неопишуемый восторг от отрывистых постанываний Паскуале.

Проявляя неожиданную настойчивость, он стянул с нее рубашку, и она вдруг поняла, что будет дальше. Паскуале собирается овладеть ею.

Прямо сейчас.

Приподняв ее голову, он склонился над ней и стал осыпать поцелуями, под градом которых она готова была разрыдаться от счастья. Она любит его – да, любит! Она готова умереть ради него.

- О, Паскуале, – прошептала Сюзанна в экстазе. – Паскуале!

Услышав свое имя, он замер. Прозвучавшая в ее словах мольба, казалось, заставила его очнуться, и эротические чары развеялись будто дым.

Паскуале широко открыл глаза и с нарастающим ужасом посмотрел ей в лицо.

Она увидела, как исказились его черты, отражая борьбу разума и плоти. На мгновение ей показалось, что разум отступил: яростный взгляд остановился на ее набухших сосках, и он готов был овладеть ею вопреки всему.

Но мгновение прошло. Он отшатнулся от нее, как от чего-то невообразимо отвратительного, и

она была потрясена до глубины души выражением неприкрытого отвращения на его лице.

Натянув дрожащими руками пижаму, он обернулся к ней. Лицо его было холодным, как мрамор.

- Ах ты, дрянная соблазнительница! - воскликнул он, а потом прошептал, тоже по-английски, чтобы быть уверенным, что она поняла каждое убийственно звучащее слово: - Маленькая интриганка, соблазняющая томным взглядом, золотистыми волосами и надушенным телом! Не сомневаюсь, ты знаешь, что мужчины часто говорят о таких, как ты. А иногда и мечтают именно о таких - зрелых, желающих и умеющих удовлетворить все их фантазии. Но знаешь что, Сюзанна? Мне горько сознавать, что я почти переспал с девушкой, так мало ценящей свое тело. Боже мой! - Он недоуменно покачал головой. - Тебе всего семнадцать! Когда же, черт возьми, ты начала?

Ей пришлось все это выслушать. Но разве у нее был выбор? Она представила, с каким презрением он встретил бы ее признание, что она девственница, особенно если учесть, как она себя только что вела. Как она могла оправдать свое неприличное поведение? А признаться ему в том, что она влюбилась в него, значило лишь вызвать к себе еще большее презрение.

Паскуале метался взад-вперед по комнате, а когда остановился, чтобы снова посмотреть на нее, она поняла, что последние признаки страсти улетучились. Судя по выражению его лица, она значила для него не больше раздавленной букашки.

- И такой женщине я позволил дружить с моей сестрой! - гремел он. - Позволил привезти ее в мой дом! Неудивительно, что отметки в ее табеле за последнюю четверть такие плохие. И что на уме у нее одни дискотеки да мальчишки...

Темные глаза Паскуале стали почти черными от светившегося в них холодного отвращения.

Сюзанна хотела было возразить против несправедливого обвинения в дурном влиянии на Франческу, но воздержалась. Не могла же она подставить подругу, заявив, что Франческа сама себе хозяйка и Сюзанна меньше, чем кто-либо, могла влиять на нее в худшую сторону.

Даже если бы она так сказала, Паскуале все равно бы ей не поверил. А почему, собственно, он должен ей верить? После того, как она вела себя с ним? Одно воспоминание о том, что незадолго до этого происходило, заставило ее съежиться.

- Ничего не скажешь в свое оправдание? - тихо спросил он.

Закусив губу, Сюзанна отвернулась, но он подскочил к ней с ловкостью лесного зверя и, схватив за подбородок, заставил поднять голову и встретиться с его враждебным взглядом.

- Слушай меня, и слушай внимательно. - Голос его был угрожающе мягок, и Сюзанна содрогнулась от его прикосновения и уничтожающего взгляда. - Я хочу, чтобы к шести часам утра ты собрала свои вещи и покинула этот дом...

- Но я...

- Заткнись! - рявкнул он. - Будешь делать то, что я говорю. Я хочу, чтобы к шести часам ты была готова. Тебя отвезут на машине в аэропорт и посадят на первый же рейс в Англию. Там тебя встретят и отвезут домой. Насколько я понимаю, твоя мать дома?

- Да, - едва слышно произнесла она. - Но что я ей скажу?

Какие-то доли секунды Паскуале, казалось, был в замешательстве, но потом его лицо снова окаменело.

- Предоставь это мне, - резко сказал он. - Я ей позвоню и скажу, что нам с Франческой пришлось неожиданно уехать. Это на самом деле так, - мрачно добавил он, - потому что я намерен побыть с сестрой наедине, чтобы научить ее, как молодая девушка должна себя вести и как не должна.

Бросив на Сюзанну последний уничтожающий взгляд, он направился к двери, но остановился.

- Да, и вот еще что.

Неужели осталось еще что-нибудь? - с болью подумала Сюзанна.

- Никогда больше не пытайся найти мою сестру. У тебя не может быть ничего общего с семьей Калиандро. Это понятно?

Сюзанна гордо вздернула подбородок, хотя гордости вовсе не испытывала.

- Можешь не сомневаться! - ответила она таким твердым голосом, что и сама удивилась. Теперь, когда он не стоял так близко, к ней стала возвращаться способность нормально рассуждать, и она с удовольствием ухватилась за возможность указать на изъяны в его лекции о морали.

Ее глаза опасно заблестели.

- Не воображаешь ли ты, что можешь свалить всю вину за то, что случилось, только на меня? - тихо спросила она и заметила, как он вздрогнул. - Как говорится, в таких делах всегда участвуют двое. И, в конце концов, ты начал первый.

- Неужели я? - усмехнулся он.

Она покраснела, но устояла под его обвиняющим взглядом.

- Если сама мысль о том, чтобы заниматься со мной любовью, приводит тебя в такой ужас, ты мог бы остановиться гораздо раньше, чем это сделал.

- Когда мужчину приводят в возбуждение, пока он спит, он обычно не анализирует своих действий. - Лицо у него было каменное, в глазах - презрение. Поворачивая ручку двери, он бросил последнюю оскорбительную фразу: - Будем считать, что я принял тебя за другую.

Глядя ему вслед, Сюзанна подумала, что никогда еще в своей жизни никого так не ненавидела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Туман воспоминаний рассеялся. Глядя на Паскуале, Зуки пыталась напомнить себе, что прошло семь лет, и что этот человек оскорбил ее так, как никто и никогда не посмел бы это сделать.

Хотя в известном смысле она должна быть благодарна Паскуале за свое удивительное превращение из гусеницы в прелестную бабочку. Перенесенное унижение помогло понять, что больней ей больше никогда не будет. Застенчивость ушла в прошлое. Вместо наивной Сюзанны появилась Зуки, с абсолютно новой, несколько хрупкой внешностью, которая гарантировала ей

полную безопасность от подобных неприятностей.

Не забывай об этом, напомнила она себе, глядя на Паскуале.

Она познакомилась с ним, когда ему было двадцать четыре года, и уже тогда он был совершенно неотразим. Семь лет спустя его обаяние стало еще более мощным, и, кроме того, в тридцать один год в Паскуале появилось ленивое уверенное высокомерие, противостоять которому, как она поняла, было почти невозможно...

- Не верится, что с годами ты стала такой застенчивой, - насмешливо произнес он, когда она накинула поверх бикини шелковый халат. - Помнится, однажды ты гордо выставила напоказ свое тело.

Она решила не поддаваться на провокацию: если начнет с ним ссориться, то даст ему возможность одержать над ней победу, а этого она не позволит. Никогда больше не позволит.

- Так о чем ты хочешь поговорить со мной, Паскуале? - холодно спросила она, взяв с каминной полки щетку и расчесывая тяжелые шелковистые пряди.

- Как давно ты знакома с Сальваторе Бруни? - пронзил он ее взглядом своих темных глаз.

Услышав имя фотографа, который привез ее сюда, она в изумлении открыла рот.

- Ты тоже с ним знаком?

- Я спросил, - высокомерно заметил он, игнорируя ее вопрос, - как давно ты с ним знакома? - В его голосе зазвучал металл.

Разозленная таким тоном, она вызывающе вздернула подбородок.

- Полагаю, это не твое дело.

- Позволь мне самому судить об этом. - Глаза его сузились, и он сказал очень мягко: - Скажи, ты от рождения запрограммирована так, что вступаешь в любовную связь только с теми мужчинами, которые уже принадлежат другим женщинам?

- Не понимаю, о чем ты, - искренне удивилась она.

Он молча смотрел на нее, как будто оценивая, насколько искренна ее растерянность.

- Так случилось, что Сальваторе Бруни, с которым у тебя сейчас связь, обручен с моей секретаршей. Вчера поздно ночью она мне позвонила и, рыдая, сообщила, что он, не предупредив, уехал на уик-энд с одной из самых красивых на свете женщин. Репутация этой женщины, однако, общеизвестна. - Его глаза блеснули угрозой. - Я догадался бы, что это ты, даже если бы сам не был когда-то твоей жертвой.

- На самом деле у нас с Сальваторе нет никакой любовной связи, - холодно возразила она. - Он снимает меня для своего альбома. Мы здесь работаем.

- Неужели? - сурово взглянув на нее, протянул он недоверчиво и со значением посмотрел на пару выцветших джинсов - совершенно очевидно, мужских, - брошенных на стуле возле кровати.

Она вспыхнула в ужасе, понимая, сколь изобличающими были эти несчастные джинсы.

Несмотря на свою изысканную внешность, в душе она была врожденной Haus-frau [4] и умела неплохо шить. Поэтому, когда у Сальваторе порвались джинсы, она, не задумываясь, предложила ему их зашить.

- Ах, эти, - сказала она, вынужденная защищаться и, сознавая, что Паскуале критически взирает на ее пылающие щеки. - Да, это джинсы Сальваторе. Я обещала ему починить их. Они порвались.

- Воображаю, - цинично рассмеялся он. - Наверно, тогда, когда ты в нетерпении их с него срывала?

Зуки судорожно сглотнула.

- Если тебе непременно надо знать, он порвал их об острый камень на пляже во время съемки.

- А ты, значит, зашьешь их, не так ли? - слащавым голосом заметил он. - Какая идиллия! - Но тут же тон его переменялся и стал угрожающим: - Но он обручен с другой. Так что убери от него свои красивые ручонки, сделай милость, Зуки!

О, грехи молодости! Неужели из-за своей ошибки она навсегда останется преступницей в его глазах?

- Ты намекаешь на то, что я уехала бы с мужчиной, зная, что он обручен с другой? - отрезала она.

- А почему бы и нет, - пожал Паскуале плечами. - Мы уже установили много лет тому назад, как мало для тебя значит мораль. Что касается секса, меня ничто бы в тебе не удивило, bella mia.

И зачем только я разрешила ему войти в комнату? - возмущенно подумала Сюзанна. Ведь той девочки, которая жила в его доме и должна была выполнять его прихоти и приказы, давно уже нет.

- Я не для того разрешила тебе войти сюда, чтобы ты меня оскорблял. Так что, если ты все сказал, выметайся. Немедленно!

Но Паскуале не двинулся с места. На его лице не отразилось никаких эмоций, оно оставалось жестким и неумолимым.

- Я не уйду до тех пор, пока ты не дашь слово, что оставишь в покое Сальваторе.

Он не догадывался, что она и на пушечный выстрел не подпустила бы к себе Сальваторе или кого другого - обручен он или нет! Неприятностей от мужчин было неизмеримо больше, чем пользы. Она могла бы рассказать ему об этом, если бы именно он не растоптал ее нежные, неокрепшие чувства. У нее закипала кровь при одном только виде этого холодного, уверенного в себе человека, отдающего ей приказы.

- Я вижу, что тебе все еще нравится командовать людьми, Паскуале, - произнесла она презрительно. - Сначала ты выбираешь друзей для своей сестры, а теперь вмешиваешься в личную жизнь секретарши. Скажи, ты получаешь удовольствие, когда пытаешься управлять людьми?

- Иногда вмешательство бывает необходимым, - высокомерно заявил он, не обращая внимания

на ее сарказм.

- Ты так считаешь? - съязвила она. - А твоя секретарша... как ее зовут?

- Кристина. А что? - Он нахмурился и грозно посмотрел на Зуки.

- Бедная Кристина, - проговорила она, не отводя взгляда и покачав головой.

- Бедная Кристина?

- Конечно. Ты ведь считаешь, что защищаешь ее. А тебе не кажется, что не стоит обручаться с человеком, которому не доверяешь? С мужчиной, который едет на юг Франции с другой женщиной?

У Паскуале задергалась щека.

- Да, я стал бы беспокоиться о судьбе любой женщины, кроме тебя, Зуки. - Лицо его пылало от ярости.

- И что это должно означать?

От его циничного смеха у нее волосы зашевелились на затылке.

вернуться

4

Домохозяйка (нем.).

- Хотя я и не одобряю поведение Сальваторе, в какой-то степени я его понимаю. Ведь я сам был жертвой твоих чар. - Голос его стал вкрадчивым: - Знаешь, ты прирожденная Цирцея. Ты готова очаровывать без всякого умысла. Твое великолепное тело предназначено для любви, а кошачьи глаза обещают такие удовольствия, о которых можно только мечтать. Какой мужчина способен всему этому противостоять? Даже я почти сдался. Сальваторе настоящий мужчина, а Кристина - уважаемая молодая женщина, оба они члены итальянской общины Нью-Йорка и, естественно, должны соблюдать приличия. Половые отношения до брака - не в наших обычаях, поэтому женщина, чтобы ее уважали, должна себя блюсти. Понимаешь, к чему я это говорю, сага?

Конечно, она все поняла. Но как, вопреки всему, ее ранили его слова!

- Четко и ясно, - пробормотала она, пытаясь скрыть свои чувства. - Значит, по-твоему, мужчине разрешено погулять до свадьбы с кем угодно, а женщине остается только дожидаться первой брачной ночи?

- Я был прав! - разбушевался он типично по-итальянски. И куда только подевался его американский прононс, которому он научился в своем привилегированном колледже! - Все та же драная кошка! И какой женщине пришли бы в голову такие мысли?!

- Да любой, которая устала от лицемерия! - крикнула она, понимая, что ее понесло и теперь ей не сдержаться. Однако Зуки сейчас было все равно, что Паскуале о ней подумает, - все равно! - Как ты смеешь заявлять, что женщина должна быть чище снега, а мужчина может

делать все, что ему вздумается! Что мужчине позволено безудержно удовлетворять свои желания, а женщины должны во имя каких-то условностей их сдерживать?!

- А ты считаешь, что так не должно быть? - неожиданно насторожившись, удивился он.

Она считала именно так, но у нее не доставало опыта, чтобы аргументировать свои суждения, однако Паскуале об этом не подозревал. Более того, он никогда бы этому не поверил; так что ей нечего терять. Выпятив подбородок, она вызывающе поглядела на своего оппонента, полная решимости как можно сильнее его рассердить.

- Да, считаю! Я за равноправие! Не должно быть для мужчин одних правил, а для женщин - других. Или они живут по одним правилам, или эти правила вообще не нужны!

- А у тебя... - спросил он, прикрыв глаза, - у тебя было много любовников, Зуки?

Она заметила, как сверкнули глаза Паскуале, и поняла, что он ревнует! Ревнует? Он и тогда, много лет назад, хотел заняться с ней любовью, но не смог, так как не уважал ее.

Сожалел ли он сейчас о том своем решении? Зуки вдруг поняла, каким может быть ее ответный удар.

- А что, если было? - тихо спросила она, и нарочитая загадочная улыбка заиграла в уголках ее губ.

Паскуале замер, как будто его ударили. Глаза его засверкали гневом, он казался современным воплощением самого дьявола. Потом он кивнул и с трудом выдавил:

- Каким же я был дураком, что не взял тебя, когда ты себя предлагала! И мог бы это сделать много, много раз, чтобы ты навсегда запомнила меня. Запечатлеться на твоём теле и в твоей голове так, чтобы, будучи с другим мужчиной, ты думала только обо мне, чувствовала только мои губы, желала, чтобы это я держал тебя в своих объятиях, я входил бы в твоё тело, заставляя тебя рыдать от наслаждения.

Но этот взрыв сексуального бахвальства произвел на нее прямо противоположное действие. Возвратилась былая боль: то божественное ощущение, которое мог вызвать только он и которое она однажды принята за любовь, на самом деле было не более чем всепоглощающее первобытное желание, противостоять которому она в то время была не в силах.

А сейчас?

Неужели и сейчас она все еще была настолько одержима тем же самым страшным желанием, что его мог вызвать один взгляд его блестящих темных глаз?

Она прикрыла дрожащими веками полные смущения и страсти глаза.

- Уйди, пожалуйста, - прошептала она пересохшими губами, боясь даже взглянуть на него. Когда-то Паскуале проявил сверхъестественную проницательность, и ей стало страшно, что он и сейчас прочтет в ее взгляде и желание, и смятение.

- Уйти? - тихо отозвался он.

Зуки вздрогнула от неожиданности, обнаружив, что он бесшумно пересек комнату и встал рядом с ней, причем настолько близко, что она почувствовала его дыхание на своей щеке.

- Да, уходи, - прошептала она.

Одно его присутствие оказывало на нее магическое действие.

- Но ты ведь вовсе не хочешь, чтобы я уходил, да, сага? - В его словах звучала явная насмешка.

- Хочу.

Но она лгала. Единственное, чего ей хотелось, так это снова почувствовать на своих губах вкус его поцелуя. Она закрыла глаза и непроизвольно качнулась в его сторону.

Нет!

В ужасе от того, что чуть было не случилось, она открыла глаза и встретилась с изумленным взглядом Паскуале, смотревшего на нее так, будто и его охватило чувство, не поддающееся разумному объяснению.

Он рывком притянул ее к себе и, обняв, заглянул в глаза.

- Божественная, - пробормотал он, медленно и неторопливо разглядывая ее растерянное лицо и горящие янтарем глаза. - Верх совершенства. И просто-таки напрашивается на поцелуй.

- Нет, - жалобно простонала она, не в силах оторвать жадный взгляд от его губ.

- Да, Зуки, да, - возразил Паскуале.

Вопреки ее ожиданиям поцелуй не был ни грубым, ни требовательным. Он был нежным и воскрешающим в памяти нечто такое, о чем она мечтала всю жизнь. Когда ее губы раскрылись навстречу его поцелую, он пробормотал что-то невнятное, и откуда-то издали прозвучал ее собственный голос в момент, когда его язык проскользнул внутрь для жаркого поцелуя.

Этот сладкий-сладкий поцелуй неотвратимо втягивал ее в водоворот желания. Оно наполняло ее с неукротимой силой, вспыхнув как мерцающее пламя где-то в низу живота. Она хотела остановить его, но это была жалкая попытка. Ее руки, только что пытавшиеся оттолкнуть Паскуале, почему-то обвились вокруг его шеи, а пальцы оказались в густых черных волосах.

Руки Паскуале скользнули к ее бедрам. Он нарочито медленно провел по их изгибу, прежде чем опуститься ниже. Затем легко подхватил ее и отнес на кровать, упав рядом с девушкой.

Даже такое явно выраженное намерение не остановило Зуки. Ее дыхание было прерывистым, мысли путались. Она смотрела на него умоляющими глазами.

- Паскуале! Не надо. Пожалуйста.

Однако решительная линия его рта не смягчилась. Он провел пальцем по ее шее и дальше - по груди, и ее стала бить непроизвольная дрожь.

- Но ты ведь хочешь, дорогая. Так же, как хочу я. Ведь правда? Ты ведь хочешь?

Она без слов покачала головой.

- Нет, хочешь. И зачем останавливаться, если мы оба знаем, что нам будет хорошо?

Он поднял руку, чтобы отвести волосы с ее лица, и Зуки могла бы поклясться, что на секунду

его взгляд задержался на циферблате часов. Этот мимолетный взгляд подействовал на нее отрезвляюще. Она стала вырываться из его объятий, и в это время раздался легкий стук в дверь.

- Эй, Зуки! - раздался жизнерадостный голос. - Ты одета? Мне передали, чтобы я к тебе зашел!

Дверь открылась, и на пороге появился Сальваторе, остолбеневший при виде Зуки, лежащей на кровати в объятиях Паскуале.

- Боже мой! Паскуале! - побледнев, воскликнул он.

- Что? - лениво улыбнулся Паскуале.

- Какого черта ты здесь делаешь? - опешил Сальваторе.

- Занимаюсь любовью с женщиной - что же еще? А ты нам мешаешь.

- Но я...

- Выметайся, Сальваторе! - Паскуале пронзил фотографа грозным взглядом. - Убирайся, пока я тебе не врезал. В данном случае мне посчастливилось занять твое место и ублажить леди. Но предупреждаю: если ты когда-нибудь еще вздумаешь пойти налево, я найду тебя и разорву в клочья. Ты меня понял?

Сальваторе явно испугался, но Зуки ни в чем его не винила. Ей показалось, будто она все это видит в каком-то причудливом сне. Она высвободилась из объятий Паскуале и встала с кровати.

- Что, черт побери, происходит? - крикнула она.

- Сальваторе уже уходит, - последовал неумолимый ответ. - Не так ли?

Сальваторе кивнул и, судорожно сглотнув, стал пятиться к двери.

Внезапно в голове Зуки мелькнули обрывки только что услышанного разговора. Паскуале с явной усмешкой наблюдал за нею, не вставая.

- Сальваторе сказал, что ему что-то передали, - нахмурилась Зуки. - Но я ничего не передавала.

- Конечно, нет, - рассмеялся Паскуале. - Это я передал через официантку, чтобы он пришел сюда через полчаса. Я решил, что этого времени будет достаточно, чтобы ты попала ко мне в объятия. - Цинично улыбаясь, он взглянул на часы. - Но я немного ошибся, мне удалось уложиться в двадцать минут. - Он притворно вздохнул. - Тебя так легко уломать, *bella mia*.

Сознавая, что он, в общем-то, прав, Зуки не смогла сдержать ярость и, схватив с туалетного столика оправленное в серебро тяжелое зеркало, швырнула его в Паскуале, не думая о последствиях. Однако тот перехватил его в воздухе с уверенностью игрока в крикет.

- Шалунья, - пробормотал он, вставая с кровати и не обращая внимания на то, что она, как безумная, металась по комнате в поисках других тяжелых предметов, которыми можно было бы запустить в него.

Ботинок, вешалку, набитую сумку... он все перехватывал на лету и кидал на кровать - все с той

же оскорбительной полуулыбкой.

Зуки была потрясена.

- Зачем? - спросила она, задохнувшись. - Скажи - зачем?

- Зачем - что? - тихо спросил он.

- Зачем было подстраивать, чтобы Сальваторе пришел сюда и увидел, что мы... мы...

- Что мы собираемся заняться любовью? - услужливо подсказал он.

- Мы не собирались, - пролепетала она, залившись краской.

- Лгунья! - тихо поддразнил он ее.

Неужели в нем нет никакого сострадания?

- Тебе мало было, что ты предупредил меня не связываться с Сальваторе? Что он обручен с Кристиной? Ты прекрасно знаешь, что я не стала бы иметь дело с мужчиной, который обручен с другой женщиной.

- В том-то и дело, - пожал он плечами. - Я очень мало о тебе знаю, Зуки. Знаю только, что ты обладаешь невероятной сексапильностью. Я тоже оказался ее пленником. - В голосе его слышалось недоумение, а глаза сверкали, как осколки черного агата. - Что само по себе удивительно, потому что меня обычно не притягивают женщины, которые мне неприятны. Но раз уж ты спросила, почему я просто не предупредил тебя или Сальваторе «не связываться», как ты изволила выразиться, так это потому, что я никогда не полагаюсь на случай. У меня не было уверенности, что ты выполнишь мою просьбу, и я, конечно же, мог бы потребовать от Сальваторе, чтобы он оставил тебя в покое, но я решил: пусть он убедится собственными глазами, что связался с женщиной, которая при первой же возможности изменит ему с другим. На слово он вряд ли бы мне поверил. А теперь воочию во всем убедился. Поверь мне, сага, Сальваторе больше не захочется «сбиться с пути». А те качества, которые делают тебя такой идеальной бизнес-любовницей, укрепят позиции Кристины как жены.

Глядя в эти холодные, насмешливые глаза, Зуки остолбенела. Но скоро опомнилась.

- Боже мой! - выдохнула она в ярости. - Бессердечный, вечно манипулирующий другими мерзавец! Убирайся! Убирайся, пока я не подняла на ноги весь дом.

Как бы соглашаясь с тем, что она сказала, он кивнул.

- Конечно. Ты, наверно, хочешь переодеться.

Перехватив его взгляд, Зуки вспомнила, что на ней лишь бикини и прозрачный халатик.

- Но прежде, чем уйти, я хочу сделать тебе предложение, которое тебя, возможно, заинтересует.

- Никакое твоё предложение не может меня заинтересовать!

- Не драматизируй, Зуки. Никогда не отказывайся, не выслушав. Это может быть самое заманчивое предложение в твоей жизни...

- Обещание, что я больше никогда не буду иметь несчастье лицезреть тебя и выслушивать твои лицемерные поучения? – предположила она сухо.

- Наоборот, – ответил он вкрадчиво. – Я предлагаю тебе стать моей любовницей.

Наступило напряженное молчание. С возрастающим ужасом Зуки смотрела на Паскуале.

- Не верю своим ушам, – наконец вымолвила она. – Ты, должно быть, совсем сошел с ума!

- Может, чуть-чуть. – Его темные глаза загорелись, как будто он согласился с нею. – Но так уж ты на меня действуешь.

- Либо это, либо у тебя весьма извращенное чувство юмора.

- Да нет. Я никогда не шучу, если речь идет о бизнесе, – отозвался он холодно, как будто ему каждый день приходилось говорить на такую странную тему.

- Бизнес? Ты называешь свое нелепое и оскорбительное предложение бизнесом?

- Ну конечно. Быть любовницей – ведь это бизнес, разве не так? Обмен товаром. Ты станешь пользоваться всеми преимуществами как моя любовница. Будешь получать удовольствие, у тебя появятся всякие побрякушки, тебя ждут роскошные поездки... А в обмен на все это я буду обладать твоим восхитительным телом. Да ладно, Зуки, – нахмурился он, наблюдая за выражением ее лица, – пожалуйста, не смотри на меня так, словно ты только что вышла из монастыря. Ты, наверно, и раньше получала подобные предложения. Или будешь меня убеждать, что поехала бы на уик-энд с Сальваторе, если бы он пригласил тебя в какой-нибудь задымленный фабричный город, а не на роскошную виллу на Средиземном море? Почему бы не признаться, что, как и большинству женщин, тебе трудно устоять перед соблазнами, которые дает богатство?

Какой цинизм, подумала Зуки, не веря своим ушам. Она посмотрела на него с нескрываемым презрением.

- Я не намерена перед тобой оправдываться. К тому же, что бы я ни сказала, твой извращенный ум все переиначит. Но одно я скажу, Паскуале. Даже если бы ты остался единственным мужчиной на земле, я все равно не согласилась бы стать твоей любовницей. И это не слова. Видишь ли, во-первых, я достаточно зарабатываю, чтобы самой покупать себе побрякушки и оплачивать поездки. Я независимая женщина, и никакой мужчина не сможет меня купить! Но что еще важнее, – продолжала она, немного отдышавшись после такого страстного монолога, – любовницам, как всем женщинам, нужны не только побрякушки и роскошные поездки. Даже самым черствым из них нужно хоть чуточку любви и уважения. Но ты не знаешь значения таких слов, их в твоём словаре, по-видимому, нет, а может, никогда и не было. Тебе недоступно ни то, ни другое. В любом случае у меня больше нет желания это обсуждать. Так что уходи.

- Мне следует понимать это как отказ? – с издевкой уточнил он и улыбнулся обаятельной улыбкой. – Твои слова звучат как отказ, но я считаю, что это просто вызов.

И почему только у него такой глубокий и бархатистый голос, которому абсолютно невозможно противостоять? – с возмущением подумала Зуки.

- Считаю это окончательным отказом, Паскуале. Мне бы очень не хотелось вселять в тебя надежду. – Сарказм в ее голосе вызвал у него ироническую улыбку. – Ты уйдешь, наконец?

- Да, я уйду. - Уже взявшись за ручку двери, он подчеркнуто спокойно сказал: - Посмотрим, насколько «окончательным» окажется твой отказ. Я человек решительный. Можешь мне поверить, я хочу тебя больше, чем когда-либо хотел любую другую женщину, и, более того, я намерен получить тебя. То, что началось между нами семь лет назад, я хочу завершить, - с хрипотцой в голосе заявил он и вышел.

Потрясенная таким признанием, Зуки не успела придумать, что сказать в ответ.

Через десять минут после ухода Паскуале в дверь снова постучали, но, ошеломленная происшедшим, Зуки ничего не слышала. Сидя на кровати, она размышляла над странным предложением Паскуале стать его любовницей и его решимостью принять ее вызов. Она была уверена, что оно было сделано в момент безумия, связанного с сексуальным срывом. Ей абсолютно не хотелось опять увидеться с Паскуале.

В дверь снова постучали.

- Убирайся! - машинально крикнула она.

- Зуки! Я должен с тобой поговорить! Пожалуйста! Это важно!

Это был Сальваторе. Бросившись к двери, она распахнула ее и накинулась на него:

- Какого черта ты не сказал мне, что обручен с секретаршей Паскуале Калиандро? И вообще, почему ты не сказал, что обручен?

- Но ведь у нас все офици... мы на работе, - жалобно возразил Сальваторе, - мы не делаем ничего такого, чего надо стыдиться!

- То-то и оно, но этому тирану Паскуале, который во все вмешивается, все кажется по-другому.

Сальваторе стал испуганно озираться, как будто ожидая, что Паскуале может вот-вот материализоваться где-нибудь поблизости.

- Нас могут услышать; могу я войти?

- Нет, не можешь! Ты с ума сошел? Если ты дорожишь своим здоровьем, держись от меня подальше, и от других женщин - тоже, кроме, конечно, Кристины. Паскуале из тех, кто не дает больше одного шанса. Так что, если ты действительно хочешь жениться на Кристине, я настоятельно рекомендую тебе стать затворником.

- Зуки, пожалуйста, позволь мне войти, - умоляюще поднял руки Сальваторе. - Я все тебе объясню, но я не хочу, чтобы Паскуале меня здесь увидел.

- Почему же?

- Потому что он запугал меня до смерти, - признался Сальваторе.

- Значит, у тебя больше здравого смысла, чем я предполагала, - сурово сказала Зуки, шире открывая дверь. - Ладно, заходи. Даю тебе пять минут на то, чтобы ты все мне объяснил. Все!

- Это будет трудно, - вздохнул Сальваторе.

- Что же ты такого сказал своей невесте о нашей поездке? Почему она позвонила Паскуале и рыдала?

- А-а... в том-то и дело, что... я ей не говорил, - нервно облизывая губы, промямлил Сальваторе. - То есть ничего ей не сказал. Сказал только, что мне надо фотографировать. Но не сказал, что уезжаю с тобой.

- Почему?

- Она... э-э... понимаешь... очень ревнует, - извиняющимся тоном сказал он.

- Да будет тебе, - сердито возразила Зуки. - Неужели ты думаешь, что я этому поверю? Ведь как фотограф ты все время работаешь с разными моделями. Если бы она тебя ревновала, ваши отношения и минуты не продержались бы.

- К другим моделям она меня не ревнует, только к тебе. - Сальваторе посмотрел на нее в замешательстве.

Глаза Зуки угрожающе блеснули.

- Что ты имеешь в виду?

Сальваторе беспомощно пожал плечами. Он был гениальным фотографом, но сейчас вдруг показался Зуки совершенным юнцом.

- Она знает, что мне всегда хотелось тебя фотографировать. А когда я с ней познакомился, я был немного в тебя влюблен. У меня даже висел в спальне твой плакат. - Он покраснел.

- Если бы ты только знал, какой я сейчас почувствовала себя старой, - устало сказала она, нервно хохотнув. - А тебе не приходило в голову, что она все равно узнала бы и именно так бы и отреагировала?

- Я вообще ни о чем не думал, - признался он. - Мне так хотелось тебя фотографировать, что я просто был счастлив, когда ты согласилась. Извини меня, Зуки.

Ну почему все повторяется? - вздохнула Зуки. На этот раз на ее пути, без всяких причин, появилась чья-то невеста. Может, я слишком доверчива? Или просто дура? - подумала Зуки.

- Тебе лучше вернуться в Нью-Йорк и успокоить Кристину. Твои друзья, несомненно, подтвердят, что мы жили в разных комнатах. А теперь, Бога ради, уходи.

- А ты что будешь делать? - поинтересовался он.

- Я? Улечу первым же рейсом, - твердо заявила Зуки.

И постараюсь выкинуть из головы весь этот ужас, добавила про себя.

Когда дверь за Сальваторе закрылась, она подошла к платяному шкафу и побросала все свои вещи в чемодан.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зуки вошла в свою лондонскую квартиру, захлопнула за собой дверь и, бросив в холле чемодан, поспешила включить центральное отопление.

Брр! Пальцы не слушались ее, когда она поворачивала ручку.

Как здорово снова оказаться дома, с облегчением подумала она и, скинув туфли, прошлепала в гостиную, ярко-красные стены которой были сплошь увешаны ее собственными картинами.

Аэропорт Хитроу, куда она прилетела из Ниццы, встретил ее мерзкой погодой – именно такой, какую следовало ожидать в Англии в середине лета! День был серый, ветреный и дождливый.

И совершенно под стать ее настроению!

Поменяв свой билет на первый класс, она удобно устроилась в салоне самолета и могла бы поспать во время своего короткого перелета домой, но, как это часто бывает, так и не сомкнула глаз. И поэтому сейчас чувствовала себя без сил и совершенно разбитой. И неудивительно. К эмоциональному стрессу от встречи с Паскуале добавилась еще и усталость от полета.

Ей, по крайней мере удалось улизнуть, не столкнувшись с Паскуале, и на том спасибо.

На автоответчике телефона мигал красный огонек. Было всего два сообщения. Но ведь она оберегала номер своего телефона, как будто это был Форт-Нокс! [5]

Нажав на кнопку, Зуки прослушала первое сообщение. Звонил брат. Его голос, как обычно в последние дни, звучал напряженно.

- Привет, Зуки! Мне надо срочно с тобой поговорить. Позвони мне на работу – только не домой! Я не хочу, чтобы Керсти волновалась.

Зуки вздохнула. Неужели он снова попросит денег, чтобы заплатить долги? Совсем недавно она вложила некоторую сумму в хромающий семейный бизнес. Их матери, когда она еще была жива, удавалось как-то сдерживать непомерные аппетиты Пьера. Но в последнее время он все чаще обращался к Зуки с просьбой дать денег. Пьер рискованно играл на бирже и погорел, и, хотя его жена Керсти была милой женщиной, Зуки считала, что она слишком многое ему прощает.

Если бы я была за ним замужем, я не позволила бы растрачивать деньги по пустякам, подумала Зуки. Но она обожала своего двухлетнего племянника Тоби и, заботясь о его интересах, не считала возможным отказывать брату в деньгах.

Она подняла трубку и набрала номер Пьера, но ей ответили, что он еще не возвращался с ланча.

Зуки взглянула на часы: четыре!

- Вы не будете так любезны, передать ему, что звонила сестра? – попросила она секретаршу. – Я нахожусь дома.

Неудивительно, что бизнес не ладится, если менеджер проводит весь день в ресторане, раздраженно подумала она, вешая трубку.

Второе сообщение поступило от Карли, ее агента.

- Привет, дорогая! – услышала она ее уверенный американский акцент. – Я знаю, что ты во Франции, но, как только вернешься, сразу позвони. У меня есть для тебя нечто, что случается раз в жизни. Так что позвони!

Пока Зуки раздумывала, зазвонил телефон. Это была Карли.

- Ты вернулась! Слава тебе Господи! - воскликнула она.

- Я только что вошла.

- Хорошо провела время?

Перед глазами Зуки замаячил образ Паскуале, хотя она поклялась себе больше о нем не вспоминать.

- Если одним словом, то - нет.

- А что случилось?

Паскуале Калиандро - вот что случилось, мрачно подумала она.

- Сальваторе Бруни, фотограф, не удосужился сказать мне, что у него патологически ревнивая невеста, которая послала рыцаря в сияющих доспехах, - странно, что Паскуале неожиданно вызвал у нее такие романтические ассоциации, - чтобы защитить ее от меня.

- Ничего себе! - рассмеялась Карли. - Не переживай, у меня для тебя новость, которая поднимет тебе настроение.

- Какая? Билет до Луны в одну сторону?

- Да ладно тебе, - снова засмеялась Карли. - Это на тебя не похоже. В конце концов, ты не в первый раз оказываешься в такой ситуации.

- Это точно. Я раздумываю над тем, чтобы обриться наголо и уйти в монастырь...

- Надеюсь, в женский?

- Какая разница, - съязвила Зуки, но подумала, что территория, свободная от мужчин, кажется ей сейчас предпочтительней.

- Прежде чем ты это сделаешь, тебе лучше выслушать меня. Можно к тебе зайти?

- Когда?

- Прямо сейчас! Дело не терпит отлагательства.

Спустя полчаса Карли уже сидела в гостиной Зуки, макая в кружку с кипятком пакетик какого-то травяного чая.

- И как ты только пьешь эту гадость, - передернулась Зуки, отхлебывая горячий шоколад.

- Зато я не поправляюсь. - Карли неодобрительно посмотрела на кружку с шоколадом. - Я тебе говорила когда-нибудь, что у тебя чудовищно неправильный обмен веществ?

вернуться

5

Форт-Нокс - военно-морская база США.

- Твердишь постоянно, - улынулась Зуки. - Так почему тебе понадобилось срочно меня видеть?

- Как тебе мысль заработать за пять лет пять миллионов баксов? - просияла Карли.

- Ну да. - Зуки скорчила гримасу. - А Луна - это головка зеленого сыра! Слушай, Карли, мне не до шуток, я слишком устала.

- Сегодня твой счастливый день, дорогая, это я знаю точно. - Карли тряхнула головой, сверкая от возбуждения голубыми глазами.

Она глубоко вздохнула и выпалила:

- «Формидабль»! [6] Приходилось слышать?

- Конечно, приходилось. Это одна из самых больших компаний по производству косметики и парфюмерии в мире, не так ли?

- Вторая по величине. Но они стремятся занять верхнюю строчку. И предлагают тебе контракт на пять лет. Они хотят, чтобы ты стала новым «лицом» компании. Их предложение поступило в конце той недели. Просто не верится!

Зуки уставилась на Карли, пытаясь осознать столь потрясающую новость.

- Работать на «Формидабль»?

- Так точно, дорогая!

- На эксклюзивной основе?

- Ну конечно, - пожала плечами Карли. - Так обычно и бывает. Компания не хочет, чтобы ты снималась в рекламе других компаний. Увидит публика твое лицо и сразу подумает: «Формидабль». А деньги просто фантастические. Мой юрист уже видел контракт. Она сделала паузу. - И он произвел на него сильное впечатление. Очень сильное впечатление.

Если учесть, что на лбу юриста Карли можно было бы смело написать «ЦИНИК», это действительно что-то значило.

Все же Зуки недоверчиво покачала головой. Эксклюзивные контракты были редкостью.

- Но почему они выбрали меня? - удивилась она.

- Компания только что перешла в руки какого-то богача, который, по всей вероятности, видел тебя в прошлогодней рекламе защитного крема от солнца. Либо ему нравятся рыженькие, либо он поклонник высоких женщин!

Зуки потребовалось всего пять секунд, чтобы принять решение. Она подумала о распутном нью-йоркском фотографе. О Пьере, постоянно выкачивающем из нее деньги. О том, что становится старше и скоро ей придется соревноваться на подиуме с шестнадцатилетними. О том, с каким отчаянием она скоро будет рассматривать в зеркале свое лицо в поисках морщинок - свидетельств начала конца.

Она допила шоколад и, поставив чашку, спросила:

- Когда надо подписывать контракт?

- Как насчет понедельника? - с удовлетворением улыбнулась Карли.

- Пожалуйста, подпишите оба экземпляра контракта, мисс Франклин. Если вы, разумеется, согласны с условиями.

Зуки взяла ручку у юриста компании, который в течение последнего получаса смотрел на нее как лунатик. Они сидели за круглым полированным столом правления лондонской штаб-квартиры компании «Формидабль».

- Подписывать здесь, на этой пунктирной строчке? - спросила она.

Ей хотелось выглядеть умудренной опытом, а не новичком, для которого юридический жаргон так же непонятен, как японские иероглифы.

- Именно там, - последовал восхищенный ответ.

Ставя свою замысловатую подпись под контрактом, Зуки почувствовала, что волнуется.

- Надеюсь, вы понимаете: вы завещаете свою жизнь компании, - весело заметил юрист.

- Вздор! - рассмеялась Зуки. - Мой адвокат прочесал контракт частым гребешком.

- Не припомню случая, чтобы контракт был подписан с такой скоростью, - восхитилась Карли, не скрывая улыбки.

Наверно, подумала о своих десяти процентах, усмехнулась Зуки.

Юрист провел рукой по своим ухоженным седым волосам.

- Это все благодаря новому владельцу компании, - сказал он, обращаясь исключительно к Зуки. - Он известен тем, что никогда не теряет времени даром.

- Я его знаю? - тут же спросила любопытная Карли.

- Не в моей компетенции обсуждать этот вопрос, - осторожно ответил юрист, покачав головой. - Он из тех, кто предпочитает представляться сам. И сделает это через несколько минут, - добавил юрист, поглядев на часы.

В этот момент дверь распахнулась.

Самым ужасным было то, что Зуки уже знала, кого сейчас увидит. Было ли это каким-то шестым чувством, появившимся у нее в связи с этим человеком, но еще до того, как она обернулась и столкнулась со взглядом этих темных насмешливых глаз, она уже знала, кто стал новым владельцем компании.

Разъяренная, она вскочила и уставилась в это приводившее ее в бешенство лицо.

- Это ты! - негодуя произнесла она. - Мошенник, интриган...

- Зуки! - воскликнула Карли в ужасе.

- Мисс Франклин, прошу вас, - взмолился седовласый юрист, шокированный ее выпадом.

Не обращая на них внимания, Зуки выпалила:

- Ты воображаешь, что тебе все позволено, не правда ли? Напрасно так думаешь! Совершенно напрасно! Только потому, что я не упала к твоим ногам и не согласилась стать твоей... твоей... любовницей, у тебя хватает наглости думать, что можешь меня купить! Не можешь, Паскуале; более того: я тебе сейчас это докажу!

С этими словами она схватила со стола ближайший к ней экземпляр контракта и разорвала его на мелкие кусочки, разлетевшиеся, словно бабочки, по толстому ковру.

Карли и юрист, как загипнотизированные, сидели молча и наблюдали за происходящим. Однако реакция Паскуале была совсем не такой, какой в своем негодовании ожидала Зуки. Она думала, что он придет в ярость оттого, что она при посторонних разоблачила его гнусные планы, но он рассмеялся. Просто расхохотался! Уголки его восхитительного рта поднялись в неотразимой, но язвительной улыбке.

- Bravo, bella! - мягко произнес он. - Вдохновляющее представление!

Седовласый юрист поспешно схватил со стола второй экземпляр контракта и прижал его к груди.

- Мисс Франклин, - сурово предупредил он. - Должен вам сказать, что вы нарушаете контракт. И мне ничего не остается, как...

- Оставьте нас, - спокойно прервал его Паскуале.

- Но, синьор Калиандро, - в изумлении пролепетал юрист.

- Я прошу нас оставить, - подчеркнул Паскуале.

Зуки все еще страшно злилась, ее просто трясло.

- Отлично! Я рада, что нарушаю контракт. Он теперь не стоит бумаги, на которой написан.

Карли с ужасом взирала на клочки, рассыпанные по ковру.

- Зуки, дорогая, - прошипела она, - я не понимаю, что все это значит, но умоляю тебя, пожалуйста, больше ничего не говори. Прошу тебя.

Кивком головы Паскуале нетерпеливо указал на дверь.

- Прошу всех оставить нас.

Как провинившиеся дети, которым велели идти играть в сад, Карли и юрист нехотя вышли из комнаты. Зуки посмотрела на Паскуале ненавидящим взглядом.

- Ну, и как себя чувствует великий вершитель судеб? - язвительно спросила она. - Тебе удалось уладить личную жизнь своей секретарши?

- Я посоветовал Сальваторе поспешить со свадьбой, - ответил он и пододвинул ей стул. - Сядь, пожалуйста.

Он посмел предложить ей сесть!

- Я сейчас уйду, так что мне незачем садиться.

Она останется ровно столько времени, сколько ей потребуется, чтобы высказать этому самонадеянному типу все, что она о нем думает!

- Как тебе будет угодно.

Паскуале сел на край стола, вытянув длинные ноги, и стал с интересом разглядывать ее, как бы ожидая, что она будет делать дальше. Зуки не отвела взгляда. И хотя ее разум отвергал то, что видели глаза, ей пришлось признаться себе, что выглядел он совершенно сногшибательно.

Паскуале был одет в деловой костюм, который всегда так нравился Зуки на мужчинах вообще, но который редко кто умел носить. Мужчина не имел права так великолепно выглядеть в деловом костюме! Под отлично сшитым свободного покроя серым костюмом лишь угадывались мощные мускулы, и вместе с тем он странным образом гораздо заметнее подчеркивал фантастически сложенную фигуру Паскуале, чем, если бы костюм его обтягивал. На нем были также светло-голубая шелковая рубашка и темно-синий шелковый галстук. Все было безумно дорогое, совершенно в его стиле, призналась она себе.

Зуки заметила, что и он разглядывает ее с невозмутимым видом, и порадовалась тому, что одета, сообразно обстоятельствам, в деловом стиле. Хотя она отнюдь не чувствовала себя в данный момент деловой женщиной - особенно под его пристальным взглядом, - но стиль был выдержан.

вернуться

6

Formidable - великолепный, потрясающий (франц.).

Костюм из жатого шелка, состоявший из короткой юбки и прямого жакета, был яркого лилового цвета, выгодно оттенявшего ее светло-каштановые волосы, убранные в замысловатую прическу. Под жакетом - кремовая блузка, длинные ноги были обтянуты светлыми чулками. Замшевые туфли на высоких каблуках были того же цвета, что и костюм. На таких каблуках она, как правило, была выше большинства мужчин, но не выше этого, подумала Зуки в ярости.

Этот мужчина возвышался над нею.

- Да, - сказал он, наконец, улыбаясь, - мне нравится, как ты выглядишь. Очень даже...

Он многозначительно замолчал. Зуки была потрясена тем, какое впечатление, помимо ее воли, произвело на нее это молчание: ее соски набухли под шелком блузки. Что он с ней сделал тогда, много лет назад? Овладел ее психикой, так что от одного его взгляда она могла полностью раствориться?

- Мне не нужна твоя похвала, и я не буду на тебя работать.

- Но ты и не будешь работать на меня. Во всяком случае, не напрямую. - Он холодно взглянул на нее, и в голосе его послышались рассудительные нотки: - Ведь я не предлагаю тебе работу в

машбюро, не так ли?

Змей!

- Напрямую или нет, ответ будет тот же, - захлебываясь от гнева почти крикнула она. - Работать на тебя не буду! И ты меня не заставишь!

- Да неужели? - вкрадчиво спросил он и смотрел на нее из-под полуприкрытых век до тех пор, пока она не отвела взгляда.

- Почему ты выбрал именно меня? Неужели готов на все, лишь бы добиться своего? Я просто не могу поверить, что ты хочешь нанять меня в качестве «лица» компании лишь для того, чтобы... чтобы...

- Чтобы?.. - спокойно спросил он, но глаза его смеялись.

- ...чтобы сделать меня своей любовницей! - выпалила она.

- Ты подозреваешь меня в нечестности, дорогая, - отозвался он. - Я, прежде всего бизнесмен.

Бизнес. Снова это проклятое слово. Он говорил о бизнесе, даже когда предлагал ей стать его любовницей.

- Да ну? - насмешливо протянула она.

- Да. Именно так. - Он упрямо стиснул зубы. - Что ты скажешь, если узнаешь, что тебя выбрали на роль «лица» компании, потому что нам нужна именно такая красивая и обаятельная женщина для рекламы нашей продукции?

- Скажу, что ты лжешь без зазрения совести. У тебя на выбор тысячи и тысячи моделей.

- К сожалению, ни одна не выглядит так, как ты, *bella mia*, - очень тихо произнес он, прищурившись и снова окидывая ее оценивающим взглядом.

Зуки пришлось собраться с силами, чтобы не задрожать, внимая чарующим звукам этого голоса под откровенным взглядом этих великолепных глаз. Набрав в легкие побольше воздуха, Зуки приготовилась броситься вон из комнаты, но его слова остановили ее:

- Знаешь, мой юрист абсолютно прав. Если я предъявлю иск, ты будешь разорена.

- Мне все равно, - вызывающе ответила она. - Подавай иск! Забери у меня все до последнего пенни. Лучше жить в бедности, чем работать на тебя!

Его смуглое лицо озарила ослепительная белозубая улыбка.

- Я вижу, за эти годы у тебя появились настоящие бойцовские качества. Ты стала гордой и упрямой. Это хорошо: я люблю женщин с характером.

- А ты ожидал, что я буду той же юной, наивной, послушной девочкой, которая?.. - Она замолчала, покраснев от того, что чуть было не сорвалось с ее губ.

- Которая умоляла меня заняться с ней любовью? - мягко прервал он ее. - Для юной и, как ты говоришь, наивной девочки ты слишком откровенно выражала свои желания.

Зардевшись от смущения, с бешено бьющимся сердцем она не отрываясь смотрела на него.

- Неужели ты никогда не позволишь мне все забыть? - прошептала она.

- Как же я могу, сага, если сам не в состоянии об этом забыть? - просто ответил он.

В его голосе прозвучало нечто большее, чем просто желание, и Зуки отреагировала, как голодная собака на кусочек мяса. Боль в набухших сосках, скрытых под свободным жакетом, стала невыносимой. Тело как будто уже ей не принадлежало, она не могла его контролировать. И в этом была вина Паскуале.

Он был опасен. Он всегда был опасен. Когда ей было семнадцать, она считала его неотразимым. Спустя семь лет ей пришлось признаться, что его привлекательность во много раз возросла. Она не могла ему противостоять, и у нее оставался лишь один выход - бежать.

Она проглотила комок в горле.

- Мне кажется, я ясно выразилась. Больше нам не о чем говорить.

- Зуки, - мягко сказал он, - сдаётся мне, ты не представляешь себе своего положения.

Собрав всю свою гордость и глядя ему прямо в глаза, она ответила:

- Думаю, что представляю, Паскуале. Не такая я дура. Подавай иск, а остальное - мое дело.

- Понятно, - нахмурился он и почти нехотя продолжил: - А ты знаешь, что твой брат накануне банкротства?

От этого заявления холодок пробежал у нее по спине. Пьер?

- Ничего подобного, - произнесла она спокойно, хотя сердце ее екнуло.

- Боюсь, что это именно так.

Он сказал это настолько уверенно, что она похолодела.

- Откуда, черт возьми, тебе знать о финансовом положении Пьера? Ты что, купил и его компанию? - съязвила она.

- Я не покупаю разорившихся предприятий.

- Все пострадали от спада производства. Но его конец уже виден.

- Дальнейшее уже не относится к твоему брату. - Голос его был полон сарказма.

Каким-то шестым чувством Зуки понимала, что он не лжет, но все же попыталась все отрицать. Она покачала головой, и прядь каштановых волос упала ей на лоб.

- Не может этого быть. Просто не может. Я дала ему... - Она прикусила язык: чуть не выболтала того, о чем не хотела говорить.

- Да, сага?

- Ничего.

- Ты дала ему... денег?

- Это наше дело, мое и брата. - Она схватила свою сумочку, словно это был спасительный якорь.

- Ну уж нет! - Он встал, и лицо его вдруг потемнело. - Это касается не только тебя и твоего брата, - гневно бросил он в ответ. - Страдают и другие, Зуки. Во-первых, акционеры - люди, которые имеют право надеяться, что их сбережения в надежных руках, что их не транжирит какой-нибудь испорченный мальчик, который не может или не хочет принять тот факт, что ему уже непозволительно вести образ жизни, к которому он привык. - Паскуале увидел, как побледнела Зуки, но это его не остановило. - У него жена и маленький ребенок, не так ли? Разве твой брат имеет право рисковать их благополучием?

У Зуки неожиданно подогнулись колени, и она села. Паскуале тут же налил ей стакан минеральной воды.

- Выпей, - приказал он.

Она выпила воды и дрожащей рукой поставила стакан на стол. Но когда она подняла на него глаза и заговорила, голос ее звучал удивительно спокойно:

- Чего ты хочешь?

- Для начала я хочу, чтобы ты перестала выдавать деньги брату, - ответил он, довольный тем, что она сдалась. - Хотя само по себе это мало что значит. Если ты и дальше станешь поддерживать Пьера, его долги не намного уменьшатся при том образе жизни, какой он ведет. Продолжая поддерживать своего брата, даже небольшими суммами, ты просто-напросто будешь способствовать тому, что он так и не поймет, в чем проблема. А если Пьер не признает, что проблема существует, у него нет никакой надежды на будущее. И, имея твою материальную поддержку, он никогда не изменится.

- А если мой брат не захочет меняться? - спросила Зуки, зная, что Пьер вряд ли сможет когда-нибудь измениться.

- У него нет выбора, - жестко отрезал Паскуале. - Через несколько дней банки потребуют возврата кредитов, которые он взял.

- Значит, вообще уже поздно! - воскликнула Зуки вне себя.

- Дело можно поправить, если я выкуплю акции компании и возьму на себя обязательство выплатить долги банкам.

- Но ты же сказал... - Зуки нахмурила брови.

- Что я сказал, bella mia? - вкрадчиво спросил он.

- Что ты никогда не покупаешь разорившихся предприятий.

- Bravo! Она, оказывается, слушает! Женщина, которая слушает, - редкая находка!

В ее положении вряд ли имело смысл реагировать на его мужской шовинизм, да и от сознания того, что она попала в ловушку, сердце ее готово было выскочить из груди.

- В данном случае я готов сделать исключение. Кроме того, под моим руководством «Франклин

моторз» снова вернет себе былое величие.

- А потом? - сдавленным голосом спросила она. - Ты уволишь Пьера?

- Уволю? Ты считаешь меня таким жестоким?

- Да, считаю.

- Я не собираюсь его увольнять, сага, - рассмеялся он. - Я уже сказал, что под моим руководством компания снова будет процветать.

- Неужели? Ты вдруг стал специалистом в автомобилестроении? - съязвила она.

- Я просто специалист в области производства, а специфику можно определить исходя из общей теории, а именно: производство никогда не должно превышать спрос. Я также в курсе того, каковы тенденции. Сейчас, например, спрос на небольшие спортивные автомобили, которыми в свое время так славилась компания. Ошибка твоего брата состояла в том, что он все время расширял производство, пытаясь конкурировать на рынке массовых автомобилей. Но это легко исправить.

Зуки попыталась вникнуть в суть. К сожалению, Паскуале был прав, будь он проклят! Он всего лишь без лишних слов высказал вслух то, чего она смутно боялась все эти годы. Она встретила с его задумчивым взглядом.

- И ты, конечно, специалист по женщинам, не так ли? - ляпнула она.

- Давай считать, что моя компетентность именно в данной области никогда не подвергалась сомнению. - Насмешка была явной - Но может быть, все переменится, Зуки?

Ее сердце снова учащенно забилось. Что он имел в виду?

- Значит, ты хочешь выкупить акции компании Пьера? Ты очень добр, Паскуале.

- Добр? - удивился он. - Я это делаю не по доброте, и ты это знаешь. Лучше назовем это одолжением.

- А что взамен?

- И это тебе известно.

Взамен он хотел ее - это она прочла в его глазах. Но она не позволит ему отвертеться и не признаться в этом самому. Пусть признается вслух, до какой низости он готов пойти, лишь бы заполучить ее в свою постель, грубое животное!

- Нет, - твердо сказала она, - не уверена. Почему ты сам этого не скажешь, Паскуале?

- Все очень просто. Стань «лицом» моей компании, - без тени улыбки холодно ответил он.

Этот ответ ее обескуражил.

- И это все? Ты не хочешь, чтобы я... - выпалила она и осеклась.

- Ммм? - подтолкнул он ее.

- Больше ничего? - Зуки гордо вздернула подбородок.

- Нет, это не все, но на сегодня достаточно, - блестя глазами и качая головой, пообещал он. - Я уже высказывал свое намерение и желание сделать тебя своей любовницей. Я буду ждать, Зуки, но не слишком долго. Можешь мне поверить, я не очень терпелив.

Зуки посмотрела на него долгим, спокойным взглядом, поразившись оскорбительной смелости его признания. Он явно не был отягощен обычными светскими условностями!

- И как далеко ты собираешься пойти, чтобы заполучить то, чего ты желаешь, - меня?

Он, казалось, был удивлен ее откровенностью и посмотрел прямо в глаза.

- Боюсь, я не совсем тебя понимаю, дорогая.

- Мне бы хотелось знать, не является ли насилие одной из менее приятных черт твоего характера, - жестко сказала она, с удовольствием отметив, как он стиснул зубы.

- Насилие? - отозвался он. - В глубине души ты знаешь, что это не так. Я никогда не беру у женщины силой то, что она не готова отдать мне сама, по своей воле.

В его насмешливом взгляде был вызов, который она не посмела принять.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Превосходство Паскуале было очевидным, и, глядя в его отливавшие стальным блеском глаза, она поняла, что у нее нет выбора.

- Если я приму твое странное предложение работать на твою компанию...

- У тебя нет другого выхода, - мягко прервал он ее, - не так ли?

Нет. Ничего другого не остается.

Он был прав. Снова прав. Было от чего прийти в бешенство. Она и впрямь не могла больше давать Пьеру наличные, чтобы он их проматывал. Не говоря уже о том, что долги Пьера намного превышали ее состояние.

Если она откажется стать «лицом» «Формидабль», не только «Франклин моторз» разорится. Паскуале может подать на нее в суд за невыполнение контракта. Он может ее разорить. Он может навесить на нее ярлык ненадежности, сделать так, что она никогда больше не найдет работы. Приходилось признать, что он взял над нею верх: она была в ловушке.

- Мне хотелось бы прояснить одно обстоятельство, - устало сказала она.

- Я слушаю.

- В контракте записано, что я работаю на тебя, - только это?

- Как я уже сказал, - с изяществом пожав плечами, ответил он, - ничего более того, что ты захочешь сделать.

- И каковы условия работы?

- Условия те же, что записаны в контракте, который ты подписала, - сказал он, с неодобрительной полуулыбкой глядя на клочки контракта, разбросанные на ковре. - И у тебя не было в этом смысле проблем до того, как ты узнала, что это моя компания, не так ли?

- Не было, - нехотя призналась она. - Когда я должна начать?

Она отчетливо сознавала, что окончательно решает свою судьбу. Судя по его ласковой улыбке, этот факт не ускользнул и от его внимания.

- Завтра вечером в отеле «Гранчестер» состоится банкет, на котором ты будешь представлена международной прессе. В восемь часов за тобой приедет машина.

Зуки встала и разгладила короткую юбку.

- И в каком же образе я должна предстать?

Он улыбнулся. На этот раз улыбка была волнующей. Хищной. Она заставила ее содрогнуться. Но и затрепетать от восторга. Ей захотелось вцепиться ногтями в это восхитительное лицо. Ей захотелось поцеловать его.

- Конечно же, не в образе невинной девушки, - безжалостно сказал он. - Ты должна быть воплощением очарования, *bella mia*. И сексапильной, - добавил он, медленным взглядом блуждая по ее телу.

Зуки подавила в себе дрожь. Когда он так на нее смотрит, должна ли она чувствовать себя оскорбленной? Уж во всяком случае, не должна испытывать такого возбуждения!

- К семи часам к тебе приедет стилист компании и привезет все необходимое. Мы работаем с фирмой «Ломас и Ломас», - сказал он и совершенно неожиданно взял ее руку и медленно поднес к губам, не сводя с Зуки глаз. - Я счастлив, что у тебя хватило благоразумия принять мое предложение.

Ощувив теплое дыхание на своей коже и мягкое прикосновение его губ к ладони, Зуки с ужасом поняла, что попала в ловушку, из которой не сможет безболезненно выбраться.

Она поспешно выдернула руку и заявила ледяным тоном:

- Ты дал мне ясно понять, чего ты от меня ждешь, Паскуале, но предупреждаю тебя: ты этого не получишь.

- Да неужели? - насмешливо сказал он.

- Тебе лучше в это поверить!

И с гордо поднятой головой она промчалась мимо него, мимо Карли и седого юриста, все еще пребывавшего в состоянии шока.

- Зуки, - бросилась к ней Карли, - ради Бога!..

Зуки не оглянулась, но услышала за спиной голос Паскуале:

- Извините, что заставил вас ждать. Вернемся в офис и детально обсудим контракт. Мисс Франклин пересмотрела свое решение и с удовольствием согласилась с его условиями.

С удовольствием! Если бы только они знали! Зуки постаралась держать себя в руках, пока не вышла из здания компании и не остановила такси.

Только рухнув на заднее сиденье, она дала волю чувству бессилия и злости, волной поднимавшимся в ней, бешено колотя свою замшевую сумочку, как будто это была грудь Паскуале.

Было без десяти восемь, когда уехала стилист компании. В ожидании машины, которая должна была отвезти ее на встречу с прессой, Зуки стала рассматривать себя в зеркале. Даже она сама не могла предположить, что платье, присланное ей для дебюта, может производить такое впечатление.

Как почти всех манекенщиц, ее постоянно одолевали сомнения относительно своей внешности: однажды кто-нибудь скажет, что все это шутка, на самом деле она вовсе не красивая. Смотрясь в зеркало, она обычно замечала лишь недостатки: очень, даже слишком высокий рост, слишком длинные ноги и довольно узкие бедра, которые подчеркивали удивительно пышную грудь. Но сегодня она не смогла обнаружить какие-либо недостатки в своей внешности.

Волосы ниспадали каскадом каштановых локонов, а несколько тяжелые веки были умело подкрашены серебристыми тенями. Платье было восхитительным, оно прилегало в нужных местах, почти до неприличия подчеркивая высокую грудь и мягко облекая бедра. В таком платье был бы заметен даже один килограмм лишнего веса, подумала она, радуясь, что у нее такой упругий и плоский живот.

Резкий звонок в дверь вывел ее из задумчивости. В глазок Зуки увидела шофера в униформе.

Она открыла. Шофер показал ей удостоверение.

- Мисс Франклин?

- Это я, - ответила она, широко улыбаясь.

В конце концов, шофер не виноват, что она вынуждена ехать на эту злосчастную презентацию.

- Машина внизу.

- Спасибо. Я сейчас спущусь.

Чувствуя неожиданное родство с христианами, которых римляне скармливали на арене львам, она накинула на голые плечи серебристую шаль и сошла вниз, в темноту летнего вечера, где ее ждал сверкающий «даймлер».

Шофер открыл заднюю дверцу, и она села в машину, не успев заметить, что в ней кто-то уже есть. В салоне было полутемно из-за затемненных стекол, но Зуки сразу поняла, кто именно находится в машине и, откинувшись на мягкое кожаное сиденье, наблюдает за ней пристальным взглядом.

Она забилась в угол, как можно дальше, и обдала пассажира ледяным взглядом.

- Добрый вечер, Зуки, - едва слышно произнес Паскуале, когда машина тронулась с места.

- Какой сюрприз! - сказала она холодно, хотя кровь застучала у нее в висках. - И к тому же - пренеприятный. Скажи, Паскуале, ты намерен сопровождать меня на все официальные

приемы?

- Может быть, - невозмутимо ответил он с улыбкой. - А если ты будешь так потрясающе выглядеть, как в этом платье, то непременно.

От такого комплимента и от сопровождавшего его оценивающего взгляда ее ударило как током. Казалось, не имело значения, что Паскуале Калиандро был ее врагом, что он ей активно не нравился и что у него на ее счет были гнусные планы. При виде этого человека все ее тело оживало, она смотрела на него с восторгом, заставлявшим кровь быстрее бежать по жилам.

Ей стоило большого труда держаться с ним так, как с обычным деловым партнером. Дружески, но на расстоянии.

- Да, платье замечательное, - согласилась она. - У тебя талантливый стилист.

Он улыбнулся ее вежливому и сдержанному тону.

- Да. Она показала несколько платьев, но как только я увидел это...

В том, как он это произнес, угадывалось что-то такое, от чего у Зуки защемило в груди.

- Ты хочешь сказать, что ты... ты выбрал это платье? - Она не поверила своим ушам.

- Конечно.

Сама мысль о том, что платье, так плотно облегающее ее тело, было выбрано им, заставила ее покраснеть от волнения и одновременно устыдиться. Хорошо хоть в машине было довольно темно! Выждав немного, пока волнение уляжется, Зуки спросила:

- Это что, обычная для тебя практика? Решать, что надеть твоим моделям?

- А как ты думаешь? - посмотрел он на нее искоса.

Ей не то, что думать - дышать было трудно.

- Не имею ни малейшего представления. Потому и спрашиваю.

Она увидела, как циничное выражение сбежало с его лица, сменившись нежностью, как невероятно потемнели его глаза, и поняла, что в данный момент его желание было таким же сильным, как и ее.

- Нет, как правило, выбираю не я. Но лишь только я увидел это... мне захотелось посмотреть, как ты будешь в нем выглядеть. Я представил себе контраст между серебром платья и золотом блеска твоих так много обещающих глаз. Мне хотелось увидеть, как шелк ласкает твою нежную кожу. Я знал, что ты будешь в нем неотразима, совершенно неотразима, - пробормотал он. - И оказался прав, прав...

Как модель, Зуки привыкла, что ей льстили и делали комплименты мужчины, но ее сердце еще никогда так не билось, как сейчас - от откровенно чувственного признания Паскуале. Как больно было сознавать, что ему нужно было только ее тело, которое он жаждал заполучить.

Ее сердце сжалось от невыносимой мысли, что Паскуале думает о ней так, и только так. И она попыталась поставить его на место.

- Должна тебя предупредить, что, если я по твоей милости потеряю самообладание, вряд ли получатся хорошие фотографии «лица» твоей компании. Так что, если ты намерен давать мне почувствовать себя купленным тобою предметом каждый раз, когда я буду иметь несчастье тебя видеть, я бы посоветовала тебе этого не делать.

- Вовсе нет. Я намерен заставить тебя признаться, что ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал, - отпарировал он тихо, и она непроизвольно посмотрела на его губы. - Что, если это произойдет прямо сейчас, Зуки?

Его голова была достаточно близко, так что стоило ему лишь немного наклониться, как их губы соприкоснулись бы в нежном, чувственном поцелуе. Зуки увидела, как заблестели его темные глаза, и почувствовала, как раскрываются ее губы, будто раздвигаемые невидимой силой.

Инстинктивно она отпрянула от него. Если он посмеет... пусть только посмеет... Она сжала руку в кулачок, приготовившись...

- Но мы не хотим смазать губную помаду, не правда ли? Так что отложим это приятное развлечение на потом. Зато будет к чему стремиться.

- Адское испытание! - зашипела она, как кошка при виде воды.

- Скорее, райское, - заметил он, придав чувственности своему голосу.

Зуки отчаянно пыталась найти подходящие слова для отповеди, но Паскуале внезапно нахмурился и поменял тему разговора:

- Сегодня днем я встречался с твоим братом.

Видимо, ничего хорошего, мрачно подумала Зуки.

- О! - воодушевилась она. - И как он?

- От него несло спиртным. А день только начинался, - возмутился он, все еще хмурясь.

- Разве я сторож своему брату? - сказала она и, желая отвлечь его от неприятной темы, поинтересовалась: - Вы поладили?

- Откровенно говоря, я удивлен, как ему удалось продержаться в бизнесе целых восемь лет! - Паскуале покачал головой, как раздосадованный учитель. - Он совершенно безответственный человек!

- Разве обязательно так оскорблять? - Зуки попыталась защитить брата, хотя в глубине души была согласна с каждым словом Паскуале. - Ведь бизнес - занятие трудное.

- Да уж, но не труднее, чем иметь дело с твоим братом, - кисло усмехнулся Паскуале.

- А тебе бы только щеголять своим знанием английского, - съязвила Зуки. В ярких огнях магазина Хэрродз, мимо которого они проезжали, она заметила, что ее замечание вызвало у него улыбку.

- Больше всего беспокоит то, что ему просто незнакомы основополагающие понятия бизнеса. Он тупо смотрел на меня, когда я говорил ему о поставках, спросе и движении капитала.

- Это потому, что ему не повезло, как некоторым, пройти курс менеджмента в Гарварде! Да

будет тебе известно, что Пьер унаследовал компанию после смерти отца, когда ему было всего двадцать.

- Мне это известно, - мягко возразил он. - И он сказал мне, что ваша мать умерла в прошлом году. Я очень сожалею, Зуки, поверь мне.

Зуки повернулась к нему. Все что угодно, подумала она, но только не этот почти нежный голос, в котором ей слышались нормальные, человеческие нотки, а не его обычная при разговоре с ней чувственность. Она поспешно отвернулась и стала смотреть в окно, чтобы он не увидел наворачнувшиеся на глаза слезы. Ей удалось успокоиться до того, как Паскуале постучал в затемненное стекло, отделявшее салон от шофера.

- Пожалуйста, остановитесь здесь, - попросил Паскуале. - Я хочу проводить мисс Франклин через боковой вход. Ты в порядке? - взглянул он на Зуки.

Она кивнула, удивившись его заботливому тону.

- Разве ты не хочешь, чтобы мы торжественно появились у главного входа? - с любопытством спросила она, но Паскуале покачал головой.

- У главного входа обычно толпятся фоторепортеры. Ты же знаешь, ситуация иногда выходит из-под контроля, и тебе совсем не обязательно продираешься через всю эту толпу. - Вновь ее странно тронула его заботливость, хотя он все тут же испортил, пробормотав: - К тому же момент неожиданности всегда более выигрышен, не так ли?

Однако у нее не было времени ответить, потому что машина остановилась. Паскуале помог ей выйти и, взяв за руку, провел ее в здание через незаметную боковую дверь. Несколько мгновений их ладони соприкасались, и он крепко держал ее за пальцы. Она с трудом удержалась, чтобы не пожать их.

Только когда они поднимались наверх в лифте, она заметила, что Паскуале улыбается.

Что это была за улыбка!

- Тебе все это жутко нравится! - скептически бросила она.

Наступило молчание. Лицо его стало серьезным.

- Больше, чем я думал, крошка. Глупо было рассчитывать на то, что ты сдашься сразу, но во Франции были такие многообещающие моменты...

Она подумала, что ослышалась.

- Многообещающие моменты? - Неужели? - подумала она. Значит, он решил, что она тут же сдастся? - Я еще никогда не встречала подобной самоуверенности и наглости...

- Мне и в голову не приходило, - прервал он ее, глядя бесстыжими глазами на ее губы, - что ты будешь все время сопротивляться, а я - получать удовольствие от борьбы и от предвкушения победы.

Она могла бы протестовать. Она могла бы пролепетать что-нибудь о чести, порядочности и бесстыдных притязаниях таких скотов, как он.

Могла бы.

А он, без сомнения, – самоуверенное животное – стал бы снисходительно улыбаться и кивать, выслушивая ее возражения.

Но после того как зацелует ее до смерти. Зуки содрогнулась. Как это там говорится: не по словам судят, а по делам. Если Паскуале предпримет попытку снова ее обнять, она будет холодна как лед. Она крепко сжала губы на случай, если он попытается ее поцеловать.

Его темные глаза насмешливо улыбались. Когда двери лифта открылись, Зуки увидела, что коридор полон ожидающих ее фоторепортеров. Паскуале взглянул на нее. – Готова?

– Ко всему, – ответила она. Взгляды их схлестнулись, и сердце Зуки сжалось, потому что она услышала звучный женский голос, окликавший Паскуале по имени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Паскуале, дорогой! Вот ты где! – накинулась на них надменного вида женщина лет тридцати с иссиня-черными гладкими волосами. На ней было шикарное ярко-красное закрытое, как военный френч, платье, так что Зуки в своем облегающем серебристом наряде почувствовала себя, чуть ли не голой.

Зуки редко встречала женщин, если только они не являлись моделями, которые были бы с ней одного роста. Эта женщина оказалась такой же высокой, и было очевидно, что она очень хорошо знает Паскуале, так как поочередно подставила ему для поцелуев обе бледные щеки.

– Откуда ты, черт возьми, появился? – спросила женщина, добавив низким грудным голосом несколько слов по-итальянски.

– Мы поднялись на служебном лифте... Говори, пожалуйста, по-английски, – вкрадчиво попросил он. – Зуки не говорит по-итальянски.

Женщина подняла вверх изящные маникюренные руки.

– Ну конечно! Как это глупо с моей стороны!

Зуки была возмущена, но промолчала.

– Вы когда-нибудь встречались? – улыбнулся Паскуале.

– Нет, – сказала женщина, холодно оглядев Зуки с ног до головы, – не думаю.

– Зуки, это Стейси Ломас. Глава «Ломас и Ломас», рекламного агентства, с которым я сотрудничаю...

– С незапамятных времен! – восторженно воскликнула Стейси, отчаянно моргая.

Ладно, значит, ты хорошо с ним знакома, подумала Зуки, пряча непонятное разочарование за широкой улыбкой.

– Стейси, разреши представить тебе новое «лицо» компании «Формидабль». Ты, конечно, узнала Зуки, ты ведь видела альбом с ее фотографиями?

– Разумеется, – откликнулась Стейси, чуть приподняв брови, как бы удивляясь, что стоящая перед ней Зуки совсем не похожа на свои фотографии.

- Здравствуйте, - улыбнулась Зуки.

Не надо быть дипломированным специалистом в области человеческих отношений, чтобы понять, что элегантная миссис Ломас без ума от синьора Калиандро. Просто без ума. Об этом можно было судить по восторженным взглядам, которые она на него все время бросала, и по чуть заметной улыбке, игравшей на ее довольно чувственных ярко-красных губах.

- Привет, Зуки, - наконец ответила Стейси очень сухо. - Ну что ж, пора начинать. Думаю, надо представить тебя джентльменам пресс-корпуса.

- Джентльменам? - пошутила Зуки. - Из пресс-корпуса? Жажду их увидеть!

Она заметила, как улыбнулся Паскуале, но двинулась вперед, горя желанием делать то, для чего ее наняли: продавать продукцию. Это означало выполнять свою работу с профессионализмом, которым она славилась, а не размышлять о том, насколько близкими были отношения между Стейси и Паскуале. Если он настолько аморален, чтобы иметь двух любовниц сразу...

В отеле «Гранчестер» был специальный зал для приемов, и в тот вечер он был декорирован в золотистых и синих тонах, по которым все узнавали упаковку продукции компании.

И они здорово постарались, с восхищением отметила Зуки, оглядываясь, может, даже слишком...

Зал был украшен золотистыми и синими лентами и вымпелами, сине-золотистыми металлическими шарами с надписью на каждом: «Это Формидабль». Всевозможные голубые цветы - дельфиниумы, васильки, ирисы, гиацинты - в причудливых золоченых вазах были расставлены группами по всему залу.

Около стенда, представлявшего все разнообразие продукции компании - духи, наборы косметики и гигиенические наборы для ухода за кожей и волосами, - стоял стол с шампанским в бокалах синего стекла. Репортеры осушали бокалы с такой скоростью, как будто годами жили при сухом законе.

- Хочешь шампанского? - спросил Паскуале.

- Нет, я не пью на работе, - отрезала Зуки.

- Можно попросить тебя встать здесь? - поспешно вмешалась Стейси. - Начнем работать.

Прямо стервятник, подумала Зуки раздраженно, но последовала за рекламным начальством, все так же широко улыбаясь. Ей не понравился намек Стейси на то, что она считает ее пустышкой, хотя обычно предвзятое мнение людей о моделях ее не трогало. В конце концов, она не пыталась произвести впечатление. Она прилично зарабатывала и платила налоги. Люди или любили ее, или нет, и их мнение ее не волновало.

Так почему ей так не нравится Стейси Ломас?

Из-за ее явно близких отношений с Паскуале?

Ну и черт с ними! Поддавшись порыву, Зуки встряхнула каштановыми волосами, и в то же мгновение полсотни фотовспышек озарили зал бело-голубым искусственным светом.

Она чувствовала присутствие в зале Паскуале, и это отражалось на ее работе. Она старалась как никогда. Он хочет, чтобы она рекламировала его товар, и она делает это хорошо, черт бы его побрал!

Тебе хотелось очарования и сексапильности? Так получай!

Она надувала губки. Соблазнительно улыбалась. Игриво закрывала лицо завесой каштановых волос. Многообещающе прищуривала блестящие глаза цвета янтаря. Репортеры словно с ума посходили – они одобрительно свистели и щелкали фотоаппаратами.

После того как были сделаны все возможные снимки – и сверх того еще несколько, – был объявлен перерыв. Спустившись с небольшого помоста, Зуки оказалась рядом с Паскуале. Встретившись с ним взглядом, она растерялась, увидев его искаженное гневом лицо.

Что это с ним? А... какое мне дело? – подумала она с вызовом, поправляя сползшую с плеча бретельку.

Стейси улыбалась с видом человека, только что выигравшего в лотерею.

- Паскуале, дорогой, – проворковала она, – я умираю с голоду. Ты уже ел?

- Нет, – отрезал он.

Лицо его было напряженным, и он метал на Зуки грозные взгляды.

- Тогда давай поедим в тайский ресторан в Сохо? Я слышала, там отличная кухня.

- Да, я тоже об этом слышал, но, боюсь, нам придется отложить визит до следующего раза, – ответил он вкрадчиво, взгляд его оставался злым.

- О? – надула губы Стейси.

Она выглядит скорее обиженной, чем соблазнительной, неожиданно для себя отметила Зуки, ликуя.

- Извини. – Паскуале пожал широкими плечами. – Я улетаю завтра первым рейсом в Нью-Йорк, и мне надо отоспаться.

Интересно, почему это ему надо отсыпаться? – подумала Зуки, но тут же постаралась выкинуть эти мысли из головы. Ей-то какое дело до ночных привычек Паскуале?

- Машина все еще ждет? – ровным голосом спросила она. – Я хочу поехать домой.

- Я провожу тебя вниз, – сказал он.

- В этом нет никакой необходимости, – покачала головой Зуки, бросая ему вызов.

Он его принял.

- Я настаиваю, – тихо сказал он, и в его голосе явственно послышались угрожающие нотки.

Не желая устраивать скандал, которым, конечно, с удовольствием воспользуются допивающие остатки шампанского репортеры, она решила уступить. И почувствовала некоторое удовлетворение от яростного взгляда Стейси.

На сей раз, они спускались в переполненном главном лифте и поэтому не разговаривали. Однако она видела, что Паскуале напряжен и явно рассержен.

- Если ты покажешь мне, где машина... - обернулась к нему Зуки, когда они уже были в вестибюле.

Но Паскуале молча взял ее за руку и повел к вертящейся стеклянной двери.

- Что ты, черт побери, делаешь? - настороженно спросила она.

- Везу тебя домой.

- Я не хочу ехать с тобой!

- Круто! - последовал не допускающий возражений ответ.

Господи, иногда он выражался как американский гангстер!

Но дальше было еще хуже.

Сверкающего лимузина, на котором они приехали, у подъезда не было. Вместо него швейцар отеля подогнал стального цвета спортивный автомобиль.

- Ваша машина, сэр, - сказал он, почтительно улыбаясь и передавая Паскуале ключи. - Не мотор, а мечта!

- Правда? Огромное спасибо. - На мгновение Паскуале изобразил верх вежливости.

Он улыбнулся и сунул швейцару огромные чаевые. Открыв дверцу, он приказал:

- Садись.

Зуки хотела было возразить, но, увидев решительное выражение и плотно сжатые губы, промолчала. К тому же она была довольна тем, что он рассержен. Она не знала причину, но он был не похож на обычно выдержанного и держащего все под контролем Паскуале!

Машина с ревом рванула с места, и Зуки украдкой взглянула на застывший профиль Паскуале.

- Может, объяснишь?..

- Замолчи.

- Но...

- Не сейчас, Зуки! Мне надо следить за этой чертовой дорогой!

- Тебе не кажется, что ты доламываешь мотор? - спросила она медоточивым голосом и увидела, как побелели костяшки его пальцев.

- Не говори больше ни слова, - раздраженно прохрипел он.

- А почему?

- А потому, что я сейчас взорвусь! - предупредил он.

- Я что, должна испугаться? - вызывающе заметила она.

- Да, - процедил он сквозь зубы. - Если ты разумная девушка.

Со страшным скрежетом тормозов он остановил машину около ее дома.

- Большое спасибо за приятную беседу, - насмешливо бросила Зуки, отстегивая ремень. - Что дальше?

Паскуале вышел из машины и открыл ей дверцу.

- По-моему, все очевидно. Я поднимусь к тебе.

- Нет, не поднимешься, - ответила она с бьющимся сердцем.

- Попробуй меня остановить.

Ну, не странно ли: она совсем не была напутана! Даже наоборот. Она была достаточно честна с собой, чтобы понять, отчего у нее так бьется сердце.

От возбуждения.

- Думаешь, я не посмею, - не отрывая от него взгляда, бросила она ему вызов.

- Не знаю. Любопытно было бы посмотреть, как ты это сделаешь, - ответил он с решимостью, от которой она почти задохнулась.

Не дожидаясь, когда закроется входная дверь, он схватил ее в объятия и пинком ноги захлопнул за собой дверь.

- Насмотрелся ковбойских фильмов? - поддела она его, не желая ни пугаться его «галантного» поведения, ни поддаваться сильным объятиям.

Он смотрел на нее горящими глазами.

- Как, черт возьми, тебе это удалось? - потребовал он хрипло.

- Что именно? - удивилась она.

- Так себя вести.

- Как?

- Не разыгрывай невинность! - театрально воскликнул он, и сразу стал заметен его итальянский акцент. - Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

- О чем же?

- Бог мой! - простонал он. - О том, какой ты была сегодня, как выглядела. Твои губы, твои глаза, твое тело в этом платье...

- Которое выбрал ты! - в недоумении возразила она.

- Да, я сам выбрал и, о Мадонна, как же я ошибся! У тебя был такой вид, будто ты занимаешься любовью со всеми мужчинами в зале! Ты это нарочно?

- Ради Бога! - Зуки вырвалась из его объятий. - А ты чего ждал? Ты нанял меня, чтобы я помогла тебе продавать продукцию твоей компании, не так ли? Ты хотел, чтобы я была очаровательна и сексапильна. Это твои слова, если помнишь. Да, я флиртвала, я провоцировала - ведь именно этого ты хотел, Паскуале. Так работают все модели, и не притворяйся, что ты настолько наивен, что не знаешь этого. Все совершенно безобидно.

- Ты так считаешь?

- Разумеется.

- А если бы меня там не было, не думаешь ли ты, что один из этих фоторепортеров - из тех, кто особенно напился, - не увязался бы за тобой, чтобы проводить домой? Ты бы с любым пошла, Зуки?

Она так разозлилась, что вlepила ему пощечину. Однако Паскуале даже не дрогнул, он вообще никак не отреагировал, лишь сверкнул глазами и стиснул зубы.

- Как ты смеешь! - Она была так потрясена, что голос ее дрожал, а речь звучала сбивчиво. - Не говоря уже о том, что я абсолютно в состоянии сказать «нет», все эти мужчины в большинстве своем женаты и имеют детей, а остальные отлично понимают, что это всего лишь работа. Сомневаюсь, что кто-нибудь из них повел бы себя так примитивно, как с удовольствием это делаешь ты. Нормальному человеку не пришло бы в голову силой увозить меня, как будто мы живем в каменном веке!

- Тебе кажется, что я всегда веду себя так ненормально?

- Откуда мне знать, что ты считаешь нормальным? Мы по-разному понимаем это слово. Для тебя нормально прибрать к рукам дело моего брата, чтобы заставить меня работать на тебя. Или, если я буду упрямыться, грозить судом за нарушение контракта...

- Забудь об этом.

- Забыть о чем? - подозрительно прищурилась она.

- Я не буду подавать иск о нарушении контракта. Ты приняла мое предложение под давлением. Раз ты не хочешь на меня работать - не надо. Я отказываюсь от твоих услуг.

- Но ты же в таком случае потерпишь огромные финансовые убытки: ты ведь только что представил меня прессе! - удивилась она.

- Мое финансовое положение не пострадает от случайной ошибки, - философски заметил он.

- А как же Пьер и «Франклин моторз»? - недоверчиво спросила она, удивившись такому повороту.

- Не беспокойся, я не отказываюсь от своего слова вложить деньги в предприятие твоего брата. Я его сдержу.

Когда до нее дошел смысл его слов, она поняла, что у нее появилась возможность освободиться от него. Но реакция ее была совершенно неожиданной, даже для нее самой.

- Ты ничего подобного не сделаешь, - холодно заявила она.

- Как это? - не понял он, решив, что ослышался.

- Тебе незачем отказываться от моей работы в компании, потому что она мне понравилась. А если ты меня уволишь, то я подам на тебя в суд за нарушение контракта. Это ты понял, Паскуале?

Наступило напряженное молчание, а потом он сделал нечто неожиданное. Он рассмеялся.

Услышав этот смех, Зуки растаяла.

- Ах, Зуки, - пробормотал он. - Вижу, я нашел в тебе достойного противника! - Он пытливо посмотрел на нее. - Ты это умышленно? Ты понимаешь, что делаешь?

- О чем ты? Не говори загадками! - растерялась она.

- Да о том, что чем больше ты воюешь и сопротивляешься, тем становишься желаннее?

- Это я знаю, - съязвила она. - Тем сильнее твоё желание сделать меня своей любовницей! Гнусное слово!

Она удивилась, увидев, что лицо его стало серьезным.

- Согласен, дорогая. И я был не прав.

- Не прав? - Зуки не поверила своим ушам.

Паскуале признает свою вину!

- Ммм, любовница - это женщина, которую можно купить, подчинить себе, но для такой непредсказуемой, как ты, это слово не подходит. Я не представляю себе мужчину, который смог бы тебя подчинить, даже если бы он держал тебя в цепях. Тебя же я описал бы совсем другими словами.

Зуки каким-то образом удалось сохранить безразличное выражение лица, но сердце ее при этом билось неистово.

- Неужели? Горю желанием услышать.

- Любимая женщина, - прошептал он бархатным голосом. - Ты согласна быть моей любимой женщиной?

Он произнес эти слова с нежностью и снова привлек ее к себе.

Разочарование охватило ее. Ей придется навсегда расстаться со своей романтической мечтой! Совсем не это слово она хотела от него услышать. Во всяком случае, не такое расхожее.

- Не согласна, - гордо ответила она и, огромным усилием воли высвободившись из его объятий, отошла к окну.

- Позволь не поверить, - просто сказал он. - Почему ты отрицаешь, что мы оба чувствуем одно и то же? Ты изо всех сил сопротивляешься, хотя мы оба знаем, что больше всего на свете ты хочешь отдаться своему чувству.

Зуки отвернулась, не желая показывать, что его слова вывели ее из равновесия, боясь, что по ее глазам он прочтет, как она уязвлена. Он был прав. Она хотела его, никогда раньше она не испытывала такого сильного влечения.

Но того, что он предлагал, было недостаточно – не могло быть достаточно: любимой женщиной на время, до тех пор, пока он ею не пресытится.

- Нет, Паскуале.

- И все же, зная, что мы будем все время пересекаться, ты согласна остаться в компании. А ты спросила себя, почему? Ты не думаешь, что наша постоянная близость сломит твое и без того слабое сопротивление?

- Это вызов? – холодно взглянула она на него.

- Я не совсем уверен. А ты его примешь?

- Я так устала от всех этих игр!

Тут она заметила небольшую царапину у него на щеке и побледнела.

- У тебя царапина, – сказала она, закусив губу. – Прости, Паскуале. За то, что ударила тебя.

- Я это заслужил. Моя критика была несправедливой. Ты всего-навсего работала. – Его глаза вспыхнули. – А я приревновал.

Эти слова ничего не значат, уверила себя Зуки.

- Но ты, если хочешь, можешь заслужить прощение, – мягко сказал он.

- Представляю себе, каким образом, – язвительно ответила она.

- Свари мне кофе. Жизнь готов отдать за чашку кофе.

Он устроился поудобнее на одном из ее диванов и одарил ее обольстительной улыбкой.

Она уставилась на него, пытаясь понять секрет такой непринужденной самоуверенности, которая была для него как вторая кожа. И рассмеялась, несмотря на свои опасения.

- После всего, что случилось, – ты просишь чашку кофе! Ты невозможный человек – тебе это известно?

- Вообще-то говорят, – признался он.

Его глаза смеялись, и в его арсенале это оказалось гораздо более сильным оружием, чем сексуальность. Потому что взаимная ирония тоже может быть невероятно интимной...

- Какой ты любишь кофе?

- Любой, – улыбнулся он. – Спасибо.

- Только не вздумай снова меня обольщать, – шутливо пригрозила Зуки.

Выскочив из комнаты, она услышала его тихий довольный смех.

Возясь в кухне и доставая яркие керамические кружки, которые она собирала, привозя из различных поездок, она размышляла о том, какая женщина станет варить кофе для мужчины, которого ей так нравится ненавидеть. Только сумасшедшая, вот какая, призналась она себе и

принялась молотить кофе. Но если она и решила играть в эти игры, ей трудно будет переиграть Паскуале.

Все же, пыталась она рассуждать, если они просто будут пить кофе, как цивилизованные люди, он не станет вести себя как пещерный человек. Возможно, он даже не будет просить ее стать его... Любимой женщиной.

Эти слова и возбуждали ее, и заставляли холодеть. И если бы она услышала их не от Паскуале, она бы, возможно, поддалась искушению. Но если связаться с Паскуале, разбитое сердце обеспечено, а такое оно ей ни к чему.

Так что его вопрос, почему она не приняла его предложение аннулировать контракт с компанией, остался без ответа. Были ли ее гордость и упрямство желанием доказать себе и Паскуале, что она может ему противостоять? Или ей просто хотелось идти наперекор его желаниям?

В растерянности она покачала головой. Поставив на поднос тарелку с домашним печеньем и кофе, она вернулась в гостиную. Паскуале внимательно изучал одну из ее картин, словно собирался подвергнуть детальному разбору.

Будь вежливой, напомнила себе Зуки. Выпей с ним кофе. Как это принято повсюду в Европе. Может быть, это заставит его быть галантным, а не возбудит в нем страсть.

Кажется, Паскуале все понял. Он взял из ее рук поднос и поставил его на столик около дивана. Она села, он опустился на диван напротив.

Зуки не привыкла, чтобы мужчины вот так непринужденно рассаживались у нее дома; но присутствие Паскуале кажется таким естественным, подумала она, наливая кофе. Такой мощный и одновременно такой грациозный и раскованный... Он взял из ее рук кружку, поблагодарил и, поглядывая на нее из-под полуопущенных густых ресниц, сделал один глоток.

- Отличный кофе, - произнес он с наигранным удивлением.

- Хочешь сказать, для англичанки?

- Извини, это прозвучало высокомерно.

- Ну что ты! Ты великолепно говоришь по-английски, - заметила она.

- Сдаюсь! - сверкнул он глазами.

Она поймала себя на том, что в интеллектуальном плане Паскуале нравится ей не менее, чем в физическом. Но это было еще хуже. Не хочу, чтобы он казался мне все более привлекательным, жалобно простонала она про себя.

- Хочешь печенья?

- Спасибо. - Взяв печенье и надкусив его, он поднял одну бровь. - Тоже очень вкусно. Неужели сама пекла?

- Да, сама. Удивлен? - насмешливо спросила она.

- Еще как.

- Почему?

- Твоя квартира полна сюрпризов.

Широким жестом смуглой руки он обвел комнату - темно-красные стены, служившие таким выигранным фоном для ее картин, ряд ярких красивых ваз, украшавших каминную полку, расшитые цветные подушки, привезенные из Индии, которые, казалось, должны были бы дисгармонировать со светло-вишневой обивкой дивана, на самом деле великолепно оттеняли ее.

- Что ты имеешь в виду?

- Эта комната - полная противоположность тому, что я о тебе думал.

- А что ты ожидал?

- Нечто строгое, элегантное и обтекаемое.

- А то, что ты увидел, кажется тебе?..

- Фантастическим и прекрасным, но небезопасным. Я думаю, в такую комнату никогда не допустят дизайнера, но это и не комната независимой деловой женщины, - заключил он.

Зуки не сомневалась, что у него большой опыт по части определения стиля в квартирах женщин.

- А ты видишь меня именно такой - независимой деловой женщиной?

- Разумеется. А разве это не так?

Возможно, так оно и было. Но звучало как-то уж очень холодно.

- Конечно, - пожала она плечами.

- А ты, оказывается, мелешь кофе и печешь печенье.

Это замечание она не могла оставить без внимания!

- Я все-таки женщина, - промурлыкала она с притворным смиренным.

Паскуале улыбнулся, оценив насмешку.

- В этом нет сомнения.

Допив кофе, он откинулся на спинку дивана и, заложив руки за голову, стал разглядывать ее картины.

- Ты все еще занимаешься живописью, и у тебя хорошо получается.

Его похвала была ей приятна. Даже очень.

- А почему тебя это удивляет? Мне всегда это нравилось. Помнишь?

- Помню. Я уже тогда считал, что ты должна заняться живописью профессионально. Вместо этого ты решила зарабатывать своей внешностью.

- Это потому, что манекенщицам хорошо платят, а художникам - нет, - вспыхнула она. - И в отличие от тебя мне пришлось самой зарабатывать себе на жизнь!

- А меня ты представляешь именно таким? Бедный богатенький мальчик? Думаешь, мне поднесли все на тарелочке? Ошибаешься. Отец захотел, чтобы я начал с самой нижней ступеньки. Он должен быть уверен, что я досконально изучу бизнес. Знаешь, путь сына босса не усеян розами. Люди ненавидят тебя уже за то, что тебе когда-нибудь достанется большое наследство. Это неизбежно приводит к тому, что ты оказываешься в изоляции. Я чертовски много работал, чтобы моя компания стала сегодня такой, какая она есть, и продолжаю работать.

- Звучит невесело, - тихо сказала она.

- Немного. Меня возмущает, что за все эти годы мачеха растратила так много денег, но, к счастью, положение скоро изменится.

- Да?

- Мой отец сейчас с ней разводится, - сурово улыбнулся он. - Процесс затянулся, но уже виден просвет.

- В сущности, ты осуждаешь мачеху за то, что она несколько увлеклась кредитными карточками?

- Можно простить жадность, - ответил он резко, глядя прямо ей в глаза, - неверность - никогда.

Этот взгляд заворожил ее. Вот уж кому не надо бояться неверности, подумала она. Ни одной из его женщин никогда и в голову не придет взглянуть на другого мужчину.

- А как поживает твоя сестра? - неожиданно спросила она. - Чем она занимается?

- Франческа вроде тебя - независимая деловая женщина. У нее адвокатская контора в Риме.

У Франчески? Сумасшедшая, взбалмошная Франческа - адвокат?

- Боже правый, - отозвалась Зуки.

- Теперь настал твой черед удивляться, - заметил он.

- Да уж. Должно быть, она сильно изменилась?

- Изменилась. Мы перевели ее в пансион поближе к дому, и это пошло ей на пользу.

Зуки ждала, что он начнет ворошить прошлое, припомнив ее старые грехи, но он огорошил ее совсем другим.

- Тебе никогда не хотелось иметь семью, Зуки? - неожиданно поинтересовался он. - Мужа и кучу детей?

Сердце Зуки сжалось, когда она представила себе описанную им картину, но внутренним взором в качестве мужа она видела лишь Паскуале, а дети все, как один, были такими же черноглазыми, как он.

- Да нет. - Она еле сдержала дрожь в голосе. - Ведь я независимая деловая женщина, муж и дети не очень хорошо вписываются в мой образ жизни.

- Поэтому ты не вышла замуж? - настаивал он.

Нет, не поэтому. Причина сидела напротив. Она не вышла замуж, потому что не встретила мужчину, равного ему. И по всей вероятности, никогда не встретит - такова была пугающая, но весьма реальная перспектива ее жизни.

- Я все еще слишком занята своей работой, - солгала она и поразилась гневу, вспыхнувшему в глубине его глаз.

- Это заметно!

Зуки поняла, что с вежливостью покончено, и она снова уступила место ссоре - милой, знакомой до боли ссоре.

- А теперь я прошу тебя уйти, Паскуале, - подчеркнуто любезно сказала она, поднимаясь. - Я очень устала.

На этот раз он ничего не возразил и тоже встал.

- Спасибо за кофе, - вежливо произнес он.

Нагнувшись, чтобы взять свою кружку и отнести ее на кухню, он непроизвольно задел руку Зуки, которая в этот момент тоже потянулась за своей.

Зуки отступила на шаг, но ноги ее вдруг стали ватными, и она упала бы, если бы сильная рука с молниеносной быстротой не схватила ее за запястье.

Этого неожиданного прикосновения было достаточно, чтобы напомнить Зуки, какой обезоруживающей силой оно обладало.

Почувствовал ли Паскуале, как под его пальцами забились жилки на ее руке? Может быть, поэтому в его глазах появилось такое странное выражение, а обычно упрямо сжатые губы дрогнули?

- Спасибо, - выдохнула она, не пытаясь вырвать руку.

- Не стоит. Это доставляет мне наслаждение, - тихо произнес он, не отпуская ее.

Наслаждение... Это было его слово, оно было ему хорошо знакомо. В силах Паскуале было доставить ей наслаждение... невероятное наслаждение, стоило ей лишь протянуть руку. Кончиком языка она непроизвольно облизнула пересохшие губы. Глаза Паскуале потемнели.

- Тебе не следует этого делать, *bella mia*, - мягко упрекнул он ее, не отрывая взгляда от ее дрожащих губ, - не делай таких движений - провоцирующих... - Он слегка прикоснулся пальцем к ее полной нижней губе. - Если только ты готова справиться с последствиями.

Ошеломленная, замороженная, Зуки не отрывала глаз от его лица. Он все еще держал ее за руку. О Зуки, ради всего святого! - в отчаянии подумала она.

И попыталась высвободиться, но не смогла. Не потому, что он крепко ее держал, а потому, что у нее не было сил. А затем вырваться и вовсе стало невозможно, так как другой рукой

Паскуале стал гладить ее талию. Полупрозрачный, серебристый шелк был настолько тонок, что ей казалось: Паскуале гладит ее кожу. Помоги мне, Господи, взмолилась она, отдаваясь своим ощущениям.

- Паскуале, - едва слышно прошептала она, забыв обо всем: о своей борьбе, о лжи во спасение и своих добрых намерениях.

- Что? - Желание, прозвучавшее в его голосе, показалось ей бальзамом, проливающимся на открытую рану.

- Отпусти... меня.

- Не хочется этого делать, но придется. Как жаль, что мне надо завтра лететь в Нью-Йорк, сага, - с сожалением произнес он. - Но... - его голос снизился до шепота, - я оставлю тебе кое-что в залог будущего. - И он прильнул к ее губам.

Она попыталась сделать то, о чем поклялась себе в начале вечера - с тех пор прошла целая вечность, - превратиться в его объятиях в кусок льда. Но мягкое прикосновение его губ моментально растопило этот лед.

Еще она поклялась себе не разжимать губ, но и это ей не удалось. Когда он крепко прижал ее к себе, она со вздохом разомкнула губы и, почувствовав его язык, окунулась в водоворот восхитительных эротических ощущений.

Зуки качнулась, но Паскуале держал ее крепко. Раз у нее нет сил ему сопротивляться, она с таким же успехом может сделать то, чего больше всего хочет, решила она.

И ответила на его поцелуй.

Она с наслаждением обвила руками его широкие плечи, лаская плотный шелк его смокинга, как будто хотела почувствовать сквозь ткань его мускулистое тело Паскуале ответил тихим стоном, который привел ее в восторг.

Зуки не помнила, как долго длился их поцелуй, но был момент, когда она чуть не потеряла сознание.

- Паскуале, - прошептала она.

Он взглянул на нее: щеки ее пылали, глаза горели, губы припухли от поцелуя.

Но полуулыбка, тронувшая его губы, не была ни мягкой, ни нежной, ни даже ироничной. Она была бесстыжей, откровенно хищной.

- Мне следует взять тебя сейчас, чтобы погасить тот мучительный пожар, который ты во мне зажгла и который грозит меня уничтожить, - сказал он, отпуская ее.

Ей пришлось собрать все свои силы, чтобы не рухнуть к его ногам.

Он, вероятно, догадался об этом и протянул руку, но она молча отстранила ее и оперлась на подлокотник дивана.

- Мне надо лететь ранним рейсом, - с сожалением сказал он. - Но могу тебе обещать следующее: когда я, наконец, доберусь до твоей постели, не жди, что я уползу на рассвете. Буду заниматься с тобой любовью столько, сколько потребуется, сага mia.

Он ушел, тихо закрыв за собой дверь, но его угроза еще долго звучала у нее в ушах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Паскуале был в Нью-Йорке, и жизнь Зуки, казалось бы, должна была стать менее напряженной.

Это в теории, а в действительности была совершенно другой.

Зуки поняла, что скучает по нему. А если быть честной, то жестокая и болезненная правда заключалась в том, что она очень скучала.

У нее было два съемочных дня для «Формидабль», но она постоянно ловила себя на том, что надеялась увидеть Паскуале в студии.

Она потеряла аппетит, ее покинули чувство юмора и желание заниматься живописью. На четвертый день солнечным утром она решила позвонить своей невестке и попросить разрешения провести день с племянником. Керсти смогла бы отдохнуть, а Тоби такой забавный, что заставит ее забыть о Паскуале.

Но на звонок никто не ответил, и Зуки решила позвонить в офис Пьера, чтобы узнать, где его жена и сын.

Она набрала номер прямого телефона, и чуть было не выронила трубку, услышав знакомый низкий голос, ответивший:

- Да?

Так, значит, он вернулся из Нью-Йорка, подумала Зуки, почувствовав боль в сердце. Приехал и не позвонил ей. Глупо, но такова была ее реакция...

- Алло? - несколько нетерпеливо переспросил он.

- Алло, - наконец отозвалась Зуки, убедив себя, что будет выглядеть по-детски, если она просто положит трубку.

- Зуки? - тут же спросил Паскуале. - Это ты?

- Да, я. А Пьер на месте?

- Ага, он здесь.

- Можно мне с ним поговорить?

- Сейчас. Как ты себя чувствуешь?

Ей показалось, что ему это действительно интересно. Может быть, он тоже по ней соскучился?

Ох, Зуки, подумала она, у него в Нью-Йорке наверняка было с кем развлечься.

- Все в порядке, - несколько сдержанно ответила она. - Как ты?

Он рассмеялся, очевидно находя забавным ее официальный тон.

- Устал. Даже очень. Полно было дел. - Понизив голос, он спросил: - Ты по мне соскучилась? - Как ему удастся облечь в слова именно то, о чем она думает?

- Ну конечно. Мне тебя не хватало, как дырки в голове. Знаешь поговорку?

Он лишь радостно засмеялся.

- Я слышал от Ломас, что съемки прошли успешно.

- Да, говорят.

- Поужинаем сегодня вечером? - внезапно спросил он.

Здравый смысл вдруг улетучился, и она чуть было не согласилась, но тут же очнулась и решила ни за что не поддаваться искушению. К тому же сейчас не надо было смотреть в эти дьявольские черные глаза, так что отказываться было не так уж и трудно.

- Я не могу.

- Свидание? - коротко спросил Паскуале.

- Я занята, - попробовала она увильнуть от ответа.

- Настолько, что не можешь отменить встречу? - произнес он с прежним высокомерием.

- Тебе еще никогда не отказывала ни одна женщина?

- Спрашиваешь, а сама вряд ли хочешь услышать ответ на этот вопрос, не так ли, Зуки?

- Почему меня должен волновать твой ответ? - холодно возразила она. - Меня несколько не интересует твоя личная жизнь.

- Неужели? - мягко рассмеялся он.

- Представь себе. Что касается твоего предложения отменить мою встречу, то и не подумаю. Тебе не кажется, что это было бы невежливо?

- Ты абсолютно права, - согласился он. - Я и не думал, что ты согласишься, и был бы весьма разочарован, если бы случилось обратное. Я могу и подождать.

- А ведь ты говорил, что ты человек нетерпеливый, - напомнила она ему, удивившись, что в его устах явная угроза звучала как обещание. - Или забыл?

- Нет, не забыл. Но, возможно, я ошибся. В последнее время я открываю в себе массу интересных черт. Например, меня возбуждают наши с тобой стычки.

- Правда? - сдержанно отозвалась она. - А теперь, если не возражаешь, я хотела бы поговорить с братом.

- Конечно. - Зуки уловила иронию в его голосе и даже представила себе, как его надменный рот скривился в усмешке. - Передаю ему трубку. Увидимся завтра на открытии. - Помедлив, он добавил: - Желаю приятно провести сегодняшней вечер.

- Зуки?

Это был голос Пьера.

- Здравствуй, Пьер. Как дела?

- Прекрасно. - Но в голосе звучало напряжение. Брат продолжал: - Честно говоря, я чертовски устал. Не беспокойся - он вышел из комнаты. Этот Калиандро считает нормальным начинать работу в восемь утра...

- Большинство людей, живут именно так, - заметила Зуки.

- Но ведь я руководитель, детка. Я же, черт возьми, управляющий.

- Все эти должности ничего не значат, если у тебя нет жизнеспособной компании, - с нетерпением в голосе ответила Зуки.

- Знаю! Знаю, - вздохнул Пьер. - Не пили меня, Зуки. Просто мне нужно время, чтобы привыкнуть. Почему ты позвонила?

- Ты не знаешь, где Керсти? У вас дома никто не отвечает.

- С утра она поехала с Тоби в Центр здоровья...

- Он что, заболел?

- Нет, с ним все в порядке. Обычный осмотр. Они должны вернуться к десяти. А о чем ты хочешь поговорить с Керсти? - подозрительно спросил он.

- Уж конечно, не о тебе! Я хотела повести Тоби в зоопарк.

- Здорово! Он будет счастлив, Зуки. И Керсти тоже.

- А про меня и говорить нечего, - рассмеялась Зуки. - Обожаю зоопарки, но мне редко удастся доставить себе такое удовольствие. Для этого надо идти туда с ребенком.

- А если вы к тому же поедете на настоящем лондонском двухэтажном автобусе, он будет тебе другом по гроб жизни. Мы давно обещаем ему такую поездку, но все как-то не получается. - Пьер сказал еще что-то, чего Зуки не поняла.

- Что ты сказал?

- Нет, ничего. Только что вошел Паскуале. Его заинтересовал наш разговор.

Зуки почувствовала укол ревности. Неужели из-за того, что ее брат имеет возможность общаться с человеком, которого она якобы ненавидит?

Да что же это такое?!

- Оказывается, и Паскуале никогда не ездил на двухэтажном автобусе, - сказал Пьер.

- Да ну? - саркастически произнесла Зуки, надеясь, что она сказала это достаточно громко, чтобы быть услышанной и Паскуале.

Дождавшись десяти часов, она позвонила невестке, которая с радостью приняла предложение Зуки. Надев старые джинсы и белую с оборками блузку, Зуки отправилась за Тоби.

- Тетя Зуки! - завопил Тоби, со скоростью и энергией ракеты бросившийся к Зуки.

Она подхватила его на руки и прижала к себе.

- Хочешь пойти со мной в зоопарк?

- Где большие львы?

- Львы и тигры, слоны и белые медведи!

- И змеи? - с надеждой в голосе спросил Тоби.

- К сожалению, и змеи, Тоби.

Мальчик освободился из объятий Зуки и в полном восторге принялся стучать в барабан.

- С каждым днем он все больше становится похожим на Пьера, - сказала Зуки, обращаясь к Керсти.

- А Пьер говорит, что у него такой же нос, как у вашей матери.

Зуки на минуту задумалась, и мимолетная печаль омрачила ее красивое лицо.

- Не правда ли странно, что фамильное сходство передается из поколения в поколение? А может, и не странно, - задумчиво сказала она. - Это как бы небольшое свидетельство нашего бессмертия.

- Прозвучало довольно грустно, Зуки. О чем это ты стала задумываться?

Перед глазами Зуки вдруг снова всплыл фантастический образ: Паскуале - отец ее ребенка, и она заставила себя засмеяться.

- Да нет, Тоби вроде и мой ребенок, но по доверенности, и мне этого вполне достаточно!

- Здесь на всякий случай штанишки, книжка и бутылочка, - сказала Керсти, протягивая Зуки сумку. - Возьмешь складную коляску?

- Пожалуй, возьму.

Но уже через сто метров племянник решил, что пойдет ножками, так что Зуки пришлось сложить коляску и нести ее под мышкой, а другой рукой крепко держать малыша за руку.

Однако вскоре она совсем замедлила шаги, потому что в конце улицы неожиданно замаячила знакомая высокая фигура.

Паскуале шел прямо к ним, не спуская с нее глаз. Сердце Зуки екало с каждым шагом, приближавшим их друг к другу.

На нем была белая футболка, заправленная в черные обтягивающие джинсы, и в этом простом наряде он выглядел молодым и беззаботным. Футболка обтягивала его торс, совершенно нахально выставляя напоказ мускулатуру, и Зуки моментально почувствовала неизбежные признаки пробуждающегося в ней физического влечения.

Она остановилась как вкопанная, глядя на Паскуале с таким восхищением, будто видела его в

первый раз. Оказывается, четыре дня могут показаться вечностью.

- Привет, - тихо сказал он.

Она решила, что сердце ее остановилось. Краска залила ей щеки.

- Мне кажется, я еще не встречал женщины, которая бы так легко краснела, как ты.

- Внешность обманчива, не так ли? - съязвила она.

- Разве? - сверкнул он глазами. - Так ты скучала по мне?

- А ты как думаешь?

- Подозреваю, что скучала. И даже очень. Возможно, и ночами не могла уснуть, думая обо мне. Я прав? - вкрадчиво спросил он. - Потому что я скучал.

На лбу Зуки выступили крошечные капельки пота. Она хотела возразить, что это все неправда, но от лжи ее спас Тоби, которому надоело не быть центром внимания. Он вызывающе воззрился на Паскуале и заявил:

- Это папин человек!

Трудно было вообразить, что Паскуале мог быть чьим-то человеком, и Зуки испугалась, как бы слова Тоби не задели его монументальное эго, но Паскуале сел на корточки перед Тоби и улыбнулся.

- Совершенно верно, - серьезно сказал он. - Как твоя деревянная железная дорога?

- Она едет «чу-чу», - ответил Тоби и пришел в восторг от того, как Паскуале очень похоже изобразил гудок паровоза. Неужели нет ничего такого, в чем бы он не преуспел? - подумала Зуки. Конечно, есть - такт и дипломатичность! - Куда ты идешь? - спросил Тоби.

- Я слышал, как твой папа говорил, что ты собираешься в зоопарк, и я подумал, может, ты позволишь мне пойти с тобой? Можно?

- Да, - просиял Тоби.

Паскуале встал.

- Это нечестно, - возразила Зуки протестующе.

Он пожал плечами и усмехнулся. Его мужественное лицо вдруг стало совершенно мальчишеским.

- При чем тут честно или нечестно? Я умираю от желания прокатиться на двухэтажном автобусе. - Он улыбнулся ей неотразимой улыбкой. - Ты ведь не против, Зуки?

- А если бы была, разве это тебя остановит?

Покачав головой, Паскуале забрал у нее коляску и сунул себе под мышку.

- Никогда, - весело ответил он.

В зоопарке он ездил с Тоби на ослике, катался на старинной карусели. После того как они съели по печенью, он стал помогать служителю бросать рыбу морским львам, а потом они пошли смотреть на диких кошек. А когда Зуки отказалась зайти с ними в серпентарий, он стал ее поддразнивать. Зуки вдруг подумала, что еще никогда так хорошо не проводила время.

А Паскуале никогда не выглядел таким раскованным. Она с удивлением наблюдала за ним, когда он покупал Тоби какое-то особенное мороженое.

- Полагаю, ты скоро попросишь разрешения поменять ему штанишки? - спросила она, не скрывая своего удивления.

- Если ты меня об этом попросишь, то готов, - с улыбкой ответил он, не дрогнув.

- Нет, - поспешно возразила она. - Я пошутила. - И она стала так внимательно изучать раскраску перьев у попугая, как будто от этого зависела ее жизнь.

Но ее поражало не его отношение к ней, а то, как он обращался с Тоби. И это понемногу разбивало ее защитную броню, грозя полностью ее разрушить. Было невероятно трудно не почувствовать расположение к человеку, с такой нежностью обращающемуся с ребенком.

Не в силах больше сдерживать свое любопытство, она заметила:

- Ты умеешь обращаться с детьми.

Оторвав взгляд от попугая, и обернувшись к Паскуале, она побледнела от внезапно осенившей ее мысли.

- У тебя нет своих детей? - ляпнула она, не успев подумать.

- Я не женат, - нахмурился он.

- Ну и что?

- А то, что в душе я человек старомодный, Зуки, и считаю невозможным иметь детей вне брака. - Улыбнувшись, он отказался от предложения Тоби лизнуть его мороженое. - Я всему научился у своей племянницы. Дочка Франчески Клаудиа немного старше Тоби.

- У Франчески есть дочь? - воскликнула Зуки.

- А что в этом особенного? - искоса посмотрел на нее Паскуале.

- Ты ведь на днях сказал мне, что Франческа - видный адвокат...

- Ты считаешь, что это несовместимо? - саркастически заметил он. - Вообще-то в случае с Франческой это действительно так. Она продолжает работать полный рабочий день, а воспитанием Клаудии занимаются разные няни, многие из которых, по моему мнению, совершенно для этого не подходят.

Господи, ну и диктатор же он!

- Похоже, ты не одобряешь работающих матерей.

- Боюсь, это именно так.

- Боишься? - Странный выбор слова, подумала она.

Глаза Паскуале под густыми ресницами сверкнули темным блеском.

- Знаю, это не современный взгляд на вещи, но я считаю, что дети должны воспитываться главным образом родителями.

- В основном матерью, разумеется?

- Правильно.

Честно говоря, в глубине души она была с ним согласна, но это было ее личное эмоциональное ощущение, а сейчас нужно было защитить Франческу.

- Значит, только потому, что так распорядилась природа, женщина должна оставить карьеру, которой с таким трудом добилась?

- Думаю, ты упрощаешь. Можно временно прекратить работу...

- Не такую, как моя, - возразила Зуки. - Она зависит от возраста.

- Нет, твою нельзя. Но другую - можно...

- Но для женщины это не то же самое, что для мужчины, - упрямо отрезала Зуки.

- Конечно, нет. - Он внимательно посмотрел на нее. - Но так уж распорядилась природа, и тут мы бессильны что-либо изменить. Детей рожают женщины, а не мужчины.

- Значит, по-твоему, не может быть равенства полов? - вызывающе спросила она.

Он стер с джинсов мороженое, которое уронил Тоби, и облизнул палец.

- Я предпочитаю принцип компромиссов между полами, признание существующей между ними разницы и учет этой разницы в жизни.

Вынув из сумки бумажную салфетку, Зуки вытерла подбородок Тоби, прежде чем ответить.

- Поэтому ты не женился? - спросила она. Ей хотелось узнать, ей необходимо было узнать это, но и страшно было услышать его ответ. - Тебе не встретила женщина, которая бы захотела пойти на компромисс и согласиться с твоими устаревшими взглядами?

Он долго смотрел на группу розовых фламинго, сверкавших оперением в золотых лучах заходящего солнца.

- Ты имеешь в виду конфликт между карьерой и материнством? По правде говоря, меня больше притягивают женщины, занятые своей карьерой, и особенно те, как ни странно, которые меньше всего склонны от нее отказаться. Не считая моей собственной работы, несовместимой с семейной жизнью, я до сих пор не женился потому, что не встретил никого, с кем бы мне хотелось вместе провести остаток дней.

Зуки наклонилась к Тоби, чтобы еще раз вытереть ему подбородок, хотя в этом не было необходимости, - она просто боялась встретиться взглядом с Паскуале, который только что прозрачно намекнул ей, на что она может надеяться. В сущности, Паскуале очертил границы взаимоотношений, которые могли бы возникнуть между ними. Это было честно с его стороны.

Но ей стало больно, и она еще больше укрепилась в своей решимости не связываться с ним.

- Уже поздно, - сказала она. - Нам пора возвращаться.

По дороге обратно он настоял на том, чтобы проводить их до самого дома. Увидев Паскуале, Керсти заулыбалась.

- Я пришел незваным, - с улыбкой заявил Паскуале.

- Пьер сказал мне по телефону, что такое может случиться. Заходите, - пригласила Керсти, и, к досаде Зуки, он согласился.

Его мощная фигура сразу заполнила собой комнату, и Зуки показалась себе маленьким зверьком, случайно попавшим в ловушку.

Но тут она заметила, что Тоби трет кулачками глаза, и увидела путь к своему спасению.

- Можно мне искупать Тоби? - спросила она.

- Хорошо, - согласилась Керсти и направилась к бару.

Зуки постаралась, чтобы купание было долгим. Сначала они с Тоби поиграли резиновой уткой, потом она вымыла ему голову и почистила зубы. Потом, уложив мальчика в кровать, прочла ему три истории про Дональда Дака. Но когда малыш уснул, у нее больше не оставалось предлога не возвращаться в гостиную. Паскуале наверняка уже ушел, подумала она, ставя книжку на полку.

Оказалось, нет.

Паскуале сидел в кресле со стаканом шерри в руках и выглядел так, будто он член семьи. Керсти показывала ему фотографии, сделанные во время крещения Тоби. Среди них была фотография Зуки в ужасной шляпе, которую ее заставили надеть, как она ни сопротивлялась.

- Все в порядке? - улыбаясь, спросила Керсти.

- Крепко спит. Я вымыла ему голову.

- Неужели? - изумилась Керсти. - Как тебе это удалось? Он орет как резаный, когда это делаю я. Садись и выпей шерри - ты заслужила.

Упорно стараясь не глядеть в искрящиеся насмешкой глаза Паскуале, Зуки промямлила:

- Не хочется, спасибо...

- Глупости! - заявила Керсти. - По-моему, это пойдет тебе на пользу.

Они пили и болтали о разных пустяках, точнее говоря, болтали Керсти и Паскуале, а Зуки лишь слушала, пребывая в мрачном настроении. Он уверен, что может выжать кровь даже из камня, если захочет, с горечью думала она.

Даже в умиротворяющей обстановке гостиной Керсти она не могла не ощущать мужского обаяния Паскуале, скрывавшегося, подобно сжатой пружине, за его спокойной внешностью. Она все время ловила себя на том, что с жадностью смотрит на него.

Наконец, не выдержав, она решила, что пора уходить. И тут Паскуале вновь удивил ее, уже не в первый раз за этот день. Он поставил пустой стакан на столик и поднялся.

- Мне пора, Керсти. - Он взглянул на Зуки. - Тебя куда-нибудь подвезти?

- Спасибо. Я еще немного побуду.

- Правда? - В голосе звучала издевка. - Только не засиживайся, а то опоздаешь на свидание.

Свидание? Зуки недоуменно посмотрела на него и встретила с его насмешливым взглядом. Она не сразу вспомнила, что солгала ему, будто у нее на вечер назначена встреча.

- У тебя свидание, - холодно напомнил он ей. - Ты разве забыла, Зуки?

- Н-нет, конечно же, нет.

Керсти проводила его, а, вернувшись, сказала с улыбкой:

- Он мне нравится. Я его видела всего раз, но он показался мне совершенно очаровательным, - призналась Керсти, вздохнув. - Он пригласил нас в прекрасный ресторан окнами на Гайд-парк - всех, включая Тоби. Он так с ним возился. Говорят, итальянцы вообще обожают детей. Я знаю, что он итальянец, но у него такой акцент, что не поймешь...

- Да, - согласилась Зуки, надеясь, что на этом высказывания закончатся.

Керсти вопросительно взглянула на Зуки. Но та вряд ли смогла бы вынести допрос, не говоря уж о том, чтобы лгать своей невестке.

- Как твои успехи? - весело спросила Зуки. - Вообще.

- Вообще? - Керсти многозначительно взглянула на Зуки. - Прекрасно. А в частности - просто замечательно. Готова расцеловать этого Паскуале Калиандро. С тех пор как к нему перешла компания, Пьер стал другим человеком. Стонет иногда - не без этого, - но работает вовсю, и вернул себе самоуважение. Более того, после работы идет домой, а не в какой-нибудь бар, где собираются все эти служащие!

Керсти неожиданно покраснела до самых корней своих льняных волос и стала жутко молодой и хорошенькой.

- У нас теперь такие отношения, каких уже очень давно не было. Послушай, тебе удалось переменить тему, но признайся - у тебя сегодня действительно свидание?

- Нет, - покачала головой Зуки.

- Так почему же ты не приняла предложение Паскуале подвезти тебя домой?

- Потому что не хотела.

- И чем тебе не нравится синьор Калиандро?

- Он не в моем вкусе.

- Да будет тебе! Он нравится всем. А по тебе он просто ходит с ума!

- Все нет, - мрачно произнесла Зуки, - он просто хочет затащить меня к себе в постель.
- Ну и что в этом плохого? - хихикнула Керсти. - В конце концов, все мужчины этого хотят, а большинство женщин с удовольствием соглашаются.
- В том-то и дело, - со вздохом ответила Зуки. - А я не хочу быть «большинством».

Керсти кивнула и понимающе взглянула на Зуки своими ярко-голубыми глазами.

- Ясно, - протянула она. - У нас откровенный разговор, да, Зуки? Единственный мужчина и единственная женщина?

Именно так. В двух словах Керсти удалось выразить то, о чем Зуки мечтала с тех пор, как встретила Паскуале Калиандро. Именно единственный мужчина и единственная женщина. И для этого понятия даже существовало одно слово. Замужество.

Зуки тупо кивнула.

- А откуда ты знаешь, что он не хочет именно этого? - настаивала Керсти.

Зуки вспомнила, о чем Паскуале говорил в зоопарке. О типе женщин, который его привлекает. О том, что пока не встретил той, с кем хотел бы провести остаток дней. Яснее выразить свои чувства и мысли было просто невозможно!

- Он мне сам признался, - ответила она прямо.

Каким-то образом ей удалось вырваться от Керсти, не расплакавшись, но, вернувшись домой, она решила доставить себе удовольствие и весь вечер попеременно то обзывала Паскуале Калиандро всеми мыслимыми ругательствами, то пыталась не разрыдаться, чувствуя себя жутко несчастной. А плакать ей было никак нельзя, потому что на утро была назначена съемка в отеле «Гранчестер» и Боже упаси, чтобы у нее распухли глаза.

Впервые за последнее время она заснула с мыслью о том, какое это безумие - делать свою карьеру на таком зыбком материале, как красота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На следующее утро Зуки, одетая в голубые шорты и голубую футболку, на которой золотыми буквами было начертано «Это Формидабль!», вошла в огромный зеркальный бальный зал отеля «Гранчестер», где должна была состояться съемка.

Паскуале был первым - и единственным - человеком, которого она увидела.

Нет, зал, конечно, был полон народа, но в поле зрения Зуки, как будто по предопределению судьбы, попала только его гордо поднятая голова.

Их взгляды встретились. В его глазах был вопрос, а в ее?.. Господи, что он прочел в ее глазах? Выдана ли она себя этим взглядом? Знал ли он, что один его вид вызвал волнение в ее сердце? Понял ли, что при виде приближавшейся к нему Стейси Ломас ее переполнило первобытное чувство ревности, накатившее на нее такой волной, что она готова была закричать?

Улыбаясь и кивая головой, он что-то ответил Стейси и направился к Зуки.

- Привет, bella! - тихо сказал он.
- Паскуале, - вежливо склонила она голову.
- Спала? - внезапно спросил он.
- Конечно, спала, - солгала она. - Почему ты спрашиваешь?
- Из-за этого. - Он слегка коснулся пальцем ее нежной кожи под глазами. - Даже косметика не может скрыть небольшой синевы.

О Боже! Вся ее красота летит к черту! Что толку разглагольствовать о своей карьере - если и дальше так пойдет, она вообще может оказаться без работы.

- А как же фотографии?
- Не беспокойся. При ярком свете ничего не заметно. Вряд ли кто-нибудь обратил внимание. Кроме меня, - тихо добавил он и одарил ее откровенно чувственной многообещающей улыбкой.

Мурашки пробежали по телу Зуки. У нее кружилась голова от самого его присутствия. Она чувствовала, что надо поскорее отойти от него, прежде чем она скажет что-либо непоправимо глупое, вроде того, что хочет, чтобы он на ней женился.

- Извини, Паскуале, по-моему, они готовы начать съемку.
- Погоди. - Он взял ее за локоть. - Давай сходим куда-нибудь после съемки.
- Нет, - не задумываясь, ответила она.
- Почему? Боишься?

Не просто боюсь - я в ужасе. Она хотела что-то ответить, но он прервал ее:

- Давай больше не будем играть в эти игры, Зуки. Мне нужно многое тебе сказать.

Его взгляд был прикован к ее глазам, и даже более волевая женщина вряд ли устояла бы, настолько он был завораживающим.

- О чем? - прошептала Зуки.
- Не сейчас. Тебя ждут. Сходим пообедать, ничего больше.
- Назови хотя бы одну причину, Паскуале, - тихо сказала Зуки.
- Мы оба этого хотим, - просто отозвался он, улыбнувшись. - И нам надо поговорить. К тому же обещаю быть образцовым джентльменом.
- Хотела бы я на это посмотреть, - съязвила она.
- Вот и увидишь. Пойдем, сюда идет Стейси. Начнем фотографировать.

Когда наступил перерыв, Зуки уже пожалела, что согласилась на ланч с Паскуале, но он отменил ее возражения и повел к лифту.

- Где мы будем есть?

- У меня в номере.

По части оскорблений он и впрямь был большим мастером!

- Я и близко не подойду к твоему...

- Зуки! - укоризненно прервал ее Паскуале. - Разве я не дал слово? Вместо того чтобы делать поспешные выводы, согласишься - это идеальное место для ланча. Не говоря уже о том, что из окна открывается прекрасный вид на Лондон, я хочу, чтобы нам никто не помешал. - Оглядев мельком ее наряд, он добавил: - Не думаю, что ты захочешь пойти в ресторан в таком виде.

Она совершенно забыла о том, что на ней было надето. Утонченным такой наряд не назовешь!

- Если ты никак не можешь заставить себя доверять мне, давай зайдем в гостиничный бутик и оденем тебя во что-нибудь подходящее для ресторана. Или мы можем поехать на моей машине к тебе домой, и я подожду, пока ты переоденешься. Но на все это уйдет время, и его не останется на ланч. - Он взглянул на часы. - По-моему, ланч тебе не мешает. Если не ошибаюсь, ты похудела за эту неделю.

- Ты удивлен?

- Нисколько. Я тоже потерял аппетит. - Увидев ее саркастический взгляд, он добавил: - Ты мне не веришь? Погляди. - Смуглой рукой он погладил свой плоский живот.

Зуки судорожно сглотнула. Меньше всего ей сейчас нужен был урок анатомии, да еще с Паскуале в качестве наглядного пособия!

- Верю на слово, - пробормотала она поспешно.

Оказалось, что в номер Паскуале ведет отдельный лифт, который остановился на восемнадцатом этаже. Дверь лифта открывалась прямо в просторный, покрытый белым ковром холл.

Он заметил ее ошеломленный взгляд.

- Впечатляет, не так ли? - сказал он без тени хвастовства и последовал за нею в соседнюю комнату, где был накрыт роскошный стол. - Обратила внимание, какой из окна вид?

Обратила. Вид был действительно великолепным.

- Дух захватывает, - выдохнула она едва слышно, отметив про себя, что даже цифры на часах Биг Бена были отчетливо видны.

- Иди сюда. Я сделаю тебе коктейль. Зуки взглянула на сервированный серебром и хрусталем стол. В центре стоял благоухающий букет красных роз и несколько длинных свечек.

- Вижу, ты хорошо подготовился к этому ланчу, - заметила она, прищурившись.

- Я старался.

- Значит, был уверен, что соглашусь?

Обвинение, казалось, не слишком его расстроило.

- Как правило, я не заключаю пари, Зуки, - улыбнулся Паскуале. - Скажем, я был почти уверен.

- Ну и самомнение у тебя!

- Знаю. И что будем с этим делать?

- Абсолютно ничего, - обозлилась она. - Я передумала и не буду...

- Зуки, - мягко прервал он ее, - извини меня за дерзость. Остайся, пожалуйста.

Она приказала своим ногам идти, но они упорно ее не слушались. Вместо этого с доверчивостью ягненка, которого ведут на заклание, она опустилась на пододвинутый стул.

- Хочешь вина? - спросил он, сев напротив.

Она было отказалась - от вина, выпитого днем, ей всегда хотелось спать, - но сегодня ей это было нужно, как никогда, и она изменила своей привычке.

- Да, спасибо.

Он наполнил бокалы шабли из стоявшей в ведерке со льдом бутылки. Отпив несколько глотков этого ароматного вина, Зуки сразу почувствовала себя менее напряженной.

Она поставила бокал и посмотрела на Паскуале вопросительным взглядом.

- Итак, Паскуале, о чем ты хотел со мной поговорить?

Но он только покачал головой.

- Сначала поешь, - приказал он.

У нее совсем не было аппетита, и ей казалось, что она не сможет проглотить ни кусочка. Но при виде громадных очищенных креветок, тонких ломтиков копченой лососины и восхитительных салатов она в первый раз за последнее время почувствовала, что голодна.

Во время еды Паскуале рассказывал ей о делах «Франклин моторз», о сделке, которую он только что заключил в Нью-Йорке. Вообще-то она не очень разбиралась в подобных вещах, но он так терпеливо все объяснял и настолько простыми словами, что ей показалось - выйди она сейчас отсюда, она могла бы с успехом разобраться в сложностях работы на фондовой бирже.

Расправляясь с клубникой в малиновом желе, она вдруг подняла глаза и обнаружила, что Паскуале внимательно за ней наблюдает. Клубника вдруг потеряла свою привлекательность, и Зуки отложила ложку.

- Давай пойдем пить кофе в гостиную, - предложил он. - Там нам будет удобнее.

Расслабившись под действием вина и хорошей еды, Зуки вдруг обнаружила себя сидящей на громадной, мягкой, белой софе. Перед ней на столике стояла чашечка дымящегося кофе. Паскуале с грацией тигра, обхаживающего свою жертву, вышагивал взад-вперед по комнате.

- Я должен перед тобой извиниться, - совершенно неожиданно заявил он.

Вот уж чего она никак от него не ожидала!

- О! - воскликнула она, застигнутая врасплох. - За что?

- За свое поведение. За то, что оскорблял тебя, запугивал, не верил тебе, когда ты говорила правду.

Интересно, какую именно правду он имел в виду, подумала она, глядя на него в изумлении.

- И чему я обязана такой переменной?

- Я поговорил с Сальваторе, когда был в Нью-Йорке.

- И что?

- Он убедил меня в том, что ваши отношения были чисто профессиональными. Что ты всего-навсего взялась зашить ему джинсы.

- Но ведь и я говорила тебе то же самое. Ты же мне не поверил!

- Я был не прав, - ответил Паскуале, стиснув зубы.

- И это все? - недоумевала она. - Только ради этого и ланч, и прекрасный вид из окна?

- Не только. Это для начала, дорогая.

- Да? - пристально посмотрела на него Зуки.

- Что ты скажешь о том, что было вчера?

- Вчера?

- В зоопарке, - подсказал он, внимательно глядя на нее. - Тебе не кажется, что вчера мы с тобой неплохо поладили?

Зуки смутилась.

- Скажи правду, - потребовал он.

- Ну, в общем... - Этого никак нельзя отрицать. - Да, думаю, что так.

Паскуале усмехнулся, и черты его лица смягчились.

- Конечно, поладили. Я и сам так думаю. Я давно не чувствовал себя так хорошо.

- Боюсь, я не совсем тебя понимаю. - По правде говоря, она слишком хорошо поняла, что он имел в виду, и это, по всей вероятности, отразилось на ее лице.

- Я хочу, чтобы ты спросила себя, кто выигрывает от того, что ты пытаешься отрицать наше взаимное притяжение? Почему ты сопротивляешься мне? Нашим отношениям? - спросил он хрипло.

- Между нами нет отношений, - отрезала она.

- Разве? Скажи, что ты не думаешь все время обо мне, и я назову тебя лгуньей, - сказал он,

подняв руку и не давая ей возразить. – В этом нет ничего постыдного. Я в этом признаюсь, хотя это наваждение – нечто для меня совершенно новое. Ты мне веришь?

– Разумеется, верю, – холодно ответила Зуки. – Потому, что я не сдалась. Ты из тех, кто привык получать то, что хочет и когда захочет. И чем больше я сопротивляюсь, тем сильнее твое желание меня заполучить. Если бы я сейчас легла с тобой в постель, завтра ты забыл бы о моем существовании.

– Нет! – стал он яростно отрицать. – Это не так! Ведь я не мог тебя забыть все эти долгие семь лет.

Зуки замотала головой, стараясь не слишком вникать в смысл его слов.

– Я все еще хочу тебя, Зуки, – просто сказал он. – Больше, чем какую-либо женщину в своей жизни!

– Полагаю, я должна благодарить тебя за такое поразительное заявление?

– Я не жду от тебя никакой благодарности, – хмуро сказал он.

– Чего же ты ждешь?

Паскуале пожал плечами. Когда он заговорил, его итальянский акцент стал заметнее, это всегда случалось, когда он хотел выразить словами свои чувства.

– Я наделал кучу ошибок. Я вел себя грубо, даже бестактно, когда предлагал тебе стать моей любовницей. Даже слова «любимая женщина» прозвучали для тебя оскорбительно. Но какими другими словами это выразить? Вступить в связь? Как говорят ваши мужчины?

Зуки сцепила пальцы, чтобы он не заметил, что они дрожат от злости. По какой-то причине тот факт, что свое желание затащить ее в постель он прикрывает словом «связь», разозлил ее больше, чем все сказанное им раньше. Когда он предлагал ей стать его любовницей, он, по крайней мере, заявил об этом открыто.

Какой лицемер!

– Связь, – откликнулась она. – Не знаю, что ты под этим подразумеваешь. Может, немного разовьешь тему? Как часто мы будем встречаться?

Зуки увидела, как заблестели его глаза в предвкушении победы.

– Как нам позволят наши деловые расписания! Ты же знаешь, я часто бываю в отъезде, так что у нас не будет определенных дней. Однако теперь, когда ты работаешь по контракту с моей компанией, будет легче составлять расписание. Представляешь, с какими трудностями пришлось бы столкнуться, если бы ты все еще разъезжала по разным странам?

Ну и хладнокровие, в ярости подумала она. Кровь закипела у нее в жилах. И тут он улыбнулся. У него хватает наглости улыбаться! Более того, это была жестокая, самодовольная улыбка человека, убежденного в том, что, наконец, он получил то, что хотел.

Ее!

– Скажи мне, – сказала Зуки, тщательно подбирая слова, – у тебя во всех больших городах есть по женщине? – Как бы удивленный ее словами, Паскуале нахмурился. – Я буду твоей

лондонской девушкой? А если так, будет ли у меня эксклюзивный доступ к тебе, или мне придется с кем-нибудь тебя делить? Боюсь, Стейси это не понравится.

При нормальных обстоятельствах она могла бы испугаться угрожающего выражения его лица, но данные обстоятельства были явно ненормальными.

- Повтори, что ты сказала? – грозно потребовал он тихим голосом.

Но Зуки была не менее рассержена. Злость делала ее безрассудной, пьянила ее.

- Я подумала, что Стейси будет недовольна, – повторила она.

- Стейси? – отозвался он так, словно это имя было ему незнакомо.

- Да, Стейси! Может, ты и не закомплексован, но лично мне любовь втроем...

- Втроем! Ты считаешь, что я способен на такое? – разбушевался Паскуале. Никогда еще Зуки не видела, чтобы он приходил в такую ярость, как сейчас. – Что я – извращенец?

- А я, значит, именно такая женщина? – с горячностью возразила Зуки. – Мне, значит, можно хладнокровно предлагать такое? Удивляюсь, что твой чертов адвокат не составил контракт, предусматривающий все твои условия. – Зуки встала. – Мне жаль, но ответ будет «нет». И я лучше пойду, пока мы не наговорили друг другу такого, о чем потом будем жалеть.

Паскуале вскочил. Лицо его стало непроницаемой маской.

- Хорошо, – сказал он, – я тебя провожу.

Это было совершенно неоправданно и, конечно, глупо, но она чувствовала себя страшно обиженной, что он с такой легкостью отпускает ее. Сердце Зуки сжалось при мысли, что он не попросил ее остаться. Для этого Паскуале был слишком горд.

- Не беспокойся...

- Я сказал, что провожу тебя, – с угрозой в голосе повторил он.

В молчании, которое с каждой секундой становилось все более тягостным, они пересекли холл, и подошли к лифту. Паскуале все время сверлил ее своим взглядом.

- До свидания, Паскуале, – дрожащим голосом произнесла Зуки. В этих словах была какая-то окончательность. Инстинкт подсказывал ей, что, как только она переступит порог лифта, Паскуале никогда больше к ней не подойдет.

- До свидания, Зуки, – тихо отозвался он.

Было что-то горькое и одновременно мучительно притягательное в том, как он это сказал. Зуки, разрываемая противоречивыми чувствами, понимая, что ей следует уйти и, пугаясь того момента, когда она это сделает, вдруг остановилась.

Он стоял неподвижно, словно тоже хотел продлить момент расставания. Оба были напряжены, даже воздух, казалось, звенел от напряжения. Зуки видела, как бьется жилка у Паскуале на виске, и не могла оторвать глаз от его лица.

Глядя на смягчившиеся черты, она увидела – или ей почудилось? – что в глазах его мелькнула

нежность. Зуки поняла, что гибнет. И когда он скомандовал: «Поцелуй меня, Зуки! Всего один поцелуй!.. На прощание», она не смогла воспротивиться.

Всего один поцелуй, подумала она про себя. Паскуале обнял ее так крепко, как будто был намерен больше никогда не выпускать из своих объятий.

- Dio mio, - пробормотал он хриплым шепотом. Взяв в руки ее лицо, он посмотрел ей в глаза долгим взглядом, прежде чем опустить голову и прижаться к ее губам. Зуки сразу поняла, что значит этот поцелуй. Когда Паскуале, наконец, поднял голову, она увидела: на его губах играет легкая улыбка.

- Это было нечестно, - сказала она дрожащим голосом.

- Что нечестно?

- Что ты меня так поцеловал.

- Как именно? Так? - Он снова ее поцеловал. От этого поцелуя у нее перехватило дыхание, и вся она задрожала. - Так? - насмешливо спросил он.

- Да, - беспомощно призналась Зуки.

- При чем здесь нечестность? - спросил он, крепко прижимая ее к себе.

- Ты же обещал, - запротестовала она, уткнувшись ему в плечо и прислушиваясь к ровному биению его сердца.

- А я скрестил пальцы. И зачем давать обещание не бороться за то, за что стоит бороться? - Паскуале посмотрел на нее горящими глазами и продолжил: - Зуки, если не хочешь, так и скажи. Я ничего не вырываю силой.

Зуки знала, чего он хочет: уверенный в том, что именно ей нужно это, что это ее собственное желание, и он не принудил ее.

- Ты знаешь, что я хочу тебя, черт бы тебя побрал, - сказала она дрожащим голосом и увидела, как торжествующе вспыхнули его глаза, когда он снова прильнул к ее губам. С этим поцелуем улетучились все сомнения Зуки.

Паскуале повел себя совсем не так, как она ожидала. Она думала, что его объятия станут все более настойчивыми, что их слияние будет коротким, но бесстрастным, только чтобы погасить в нем пожар желаний, так долго бушевавший.

Но все было по-другому.

Несмотря на свою неопытность, она ощутила его сдержанность. Он продолжал целовать ее, будто не мог оторваться от ее губ, утопая в сладостном блаженстве. Поняв это, Зуки перестала анализировать и отдалась на волю чувств.

Она обняла Паскуале за шею и запустила пальцы в густую шевелюру.

Издав тихий стон, он еще крепче прижал Зуки к себе, и она почувствовала твердость его мужского естества.

Паскуале стал целовать ее нежную шею, и Зуки откинула голову, чтобы дать простор его

поцелуям. Он поднял край футболки, и она почувствовала, как его рука медленно движется вверх, вызывая в ней мучительное желание еще до того, как он дотронулся до ее груди. Захватив пальцами один сосок, Паскуале начал его ласкать, и она почувствовала, что ноги у нее подгибаются.

Он оторвался от нее и хриплым голосом потребовал:

- Сейчас!

- Да, сейчас... - вся дрожа, ответила она. - Да, Паскуале, да... сейчас.

Он молча поднял ее на руки и понес в спальню. Занавески были задернуты, и в комнате царил полумрак. Положив Зуки на огромную кровать, он стянул с нее футболку и кинул ее на пол.

Горящими глазами, как зачарованный, он смотрел на ее грудь.

- Дорогая... - пробормотал он и, склонившись над нею, захватил ртом сосок.

Зуки отдалась нахлынувшим чувствам. Тело пронзали горячие токи. Грудь набухла, и Паскуале освободил их из тонкого лифчика, лаская нежными движениями рук и губ.

Не спуская с нее глаз, он сбросил с себя майку, расстегнул джинсы и стянул трусы. Когда она увидела мощную мужскую плоть, то невольно почувствовала себя восхищенным наблюдателем. Она медленно облизнула нижнюю губу, намеренно провоцируя, ничего не говоря, но многое обещая.

Паскуале лег рядом, внимательно глядя ей в лицо. Он попеременно гладил то одну грудь, то другую, наблюдая за ее реакцией, медленно проводя рукой по ее коже, лаская внутреннюю часть бедер, что привело Зуки в неопределимое возбуждение. Наконец он сжалился над ней и просунул руку под трусики, во влажное и горячее...

- Скажи, как тебе нравится, что ты хочешь, чтобы я сделал, - прошептал он у самых ее губ. - Я дам тебе все, все, что пожелаешь, дорогая. Только скажи.

Она была настолько поглощена своими ощущениями от прикосновения его рук, что плохо понимала, о чем он ее спрашивает.

- Хочу тебя, - хрипло отозвалась Зуки. - Только тебя.

Ей показалось, что Паскуале несколько расслабился. Она с восторгом смотрела, с какой поспешностью он снял с нее трусики, и несколько не была смущена тем, что, достав из ящичка маленький пакетик, он стал его распечатывать. Но, наблюдая за тем, как он защитил себя - и ее - от нежелательных последствий их близости, она с трудом подавила в себе отчетливое, но совершенно нелогичное чувство разочарования, которое в ней вызвало это действие.

Однако все было забыто, когда он, шепча ей на ухо что-то невразумительное, мощным движением вошел в нее.

И внезапно остановился, почувствовав, как она напряглась от пронзившей ее мимолетной боли и непроизвольно вцепилась ногтями ему в спину.

- Madre di Dio, [7] - прохрипел он странным шепотом.

Неужели догадался? - изумилась она. Конечно, догадался. Что же теперь будет? Такие

мужчины, как Паскуале, не очень-то любят в своей постели девственниц. Что, если... он остановится?

Нет, он не сможет!

Не смог.

Забыв про боль, Зуки, ведомая каким-то неизведанным инстинктом, начала двигать бедрами, и Паскуале, судорожно вздохнув, поддался этому движению, сначала медленно, потом все быстрее и глубже - глубже и все более неистово. Каждый мощный толчок приближал ее к тому невыносимо восхитительному ощущению, в котором она не решалась себе признаться из боязни, что все окажется невероятным сном.

вернуться

7

Мать Божья (ит.).

А когда это действительно началось, она была потрясена. Она даже вскрикнула от удивления, и его имя сорвалось с ее губ, когда на нее накатила первая волна блаженства, затем вторая, и еще одна. Паскуале напрягся в последнем судорожном движении и упал, зарывшись лицом в ее волосы.

Так они лежали в объятиях друг друга несколько секунд, а может быть, минут или даже часов. Сердце Зуки постепенно стало биться спокойно. Положив голову ему на плечо, она чувствовала себя тепло и безмятежно, как кошка, растянувшаяся у огня. Однако мысли ее путались, потому что ситуация ей была совершенно непонятна. Она не представляла себе, что может сказать или сделать Паскуале. Может, будет торжествовать: ведь она только что сделала то, чего поклялась никогда не делать?

Но, как было уже не раз, он удивил ее. Облокотившись, он посмотрел на нее почти виноватым взглядом.

- Зуки, ты позволила мне убедиться, самым что ни на есть худшим способом, что ты девственница.

Самым худшим способом? Он ее осуждает? Прикусив губу, Зуки отвернулась, но он повернул ее голову к себе.

- Я же мог причинить тебе боль! - прошептал он. - И причинил, верно?

- Совсем чуть-чуть.

- Если бы я знал, я был бы более нежным.

- Почему? Девственницы заранее с гордостью оповещают тебя об этом? - выпалила она, закрыв глаза, чтобы не заплакать.

Он прошептал что-то тихо и проникновенно, но она не открывала глаз.

- Зуки?

- Что?

- Открой глаза и посмотри на меня.

- Нет.

- Да.

Неохотно открыв глаза, она посмотрела на него с вызовом.

- Почему?

От его невероятно нежной улыбки она тут же растаяла.

- Хочешь, я покажу тебе, как это бывает, когда совсем не больно?

Когда он прижался к ней обнаженным телом, целуя ее шею и проводя пальцами сверху вниз – от груди до бедер, – она только и могла произнести дрожащим голосом: «Конечно, хочу», жадно предвкушая то, что должно было случиться. Вопреки ее благим намерениям, оказаться в постели с Паскуале было так же естественно, как дышать...

Прошло несколько дней.

Так вот что это значит – быть любовницей, думала Зуки, сидя в лифчике и трусиках и рассматривая себя в зеркале в спальне Паскуале. Из ванной доносился шум воды: Паскуале находился в душе, напевая что-то по-итальянски. Он был счастлив. Он всегда был счастлив после того, как они занимались любовью. Следовательно, он был счастлив почти все время, ехидно подумала она.

Не то чтобы Зуки жаловалась на эту сторону их отношений. Они все время намеревались сходить в театр или съездить за город, но им никак не удавалось пойти дальше спальни. Ей так же нравилось заниматься любовью, как ему, и все же...

Зуки не могла избавиться от чувства неудовлетворенности.

Она имела все, о чем мечтала. Паскуале был добр, внимателен, остроумен, весел. Изобретателен в любви. Почему же ей казалось, что этого недостаточно?

Ответ был прост: он не сказал того единственного слова, которое бы подтвердило, что она не просто одна из длинной вереницы его женщин. Она не могла избавиться от чувства неуверенности, думая о том, когда он найдет ей замену. И поэтому, вместо того чтобы наслаждаться их отношениями, Зуки временами пыталась отдалиться от Паскуале, чтобы защититься от возможной боли в будущем.

После первой ночи, проведенной вместе, он попросил ее переехать к нему и потом несколько раз повторял просьбу, но она твердо стояла на своем.

- Нет, Паскуале, – спокойно отвечала она, хотя видела, что в его глазах появлялся опасный блеск.

- Но почему?

- Потому, что я дорожу своей независимостью, – солгала она, понимая, что чем меньше отдает,

тем меньше будет потом страдать.

- Ты сводишь меня с ума! Ты сумасшедшая! Ты это знаешь? - взорвался он впервые за последние дни. - Да будет тебе известно: ты первая женщина, которую я попросил ко мне переехать, а ты отказываешься!

- Как говорится, - ответила она уклончиво, - на той стороне трава всегда зеленее...

И направилась в ванную.

- Почему у тебя такое сердитое лицо? - услышала Зуки за спиной и увидела в зеркале отражение Паскуале. Положив ей руки на плечи, он спросил: - И почему ты сидишь полуголая, в одном белье, - со стоном добавил он, - так, что я снова хочу?.. Он взглянул на часы и нетерпеливо покачал головой: - У меня уже не осталось времени. Надо торопиться на это чертово заседание. - Он слегка коснулся губами ее плеча, и сердце Зуки сжалось при виде его склоненной темноволосой головы. Как она любит этого невозможного человека! И сколько бы она себя ни убеждала в обратном - все напрасно!

- Не поздно и потом, - отозвалась она, откинув голову, чтобы он мог поцеловать ее в губы.

- Я вернусь в час. Ты не уйдешь?

- Может быть.

- Обещай, дорогая.

- Не уйду, - улыбнулась она, не в силах противостоять ему.

- Мы пойдем куда-нибудь пообедать.

- Это было бы чудесно.

Он ушел, а она отправилась к себе на квартиру, чтобы переодеться.

Зуки была свободна до субботы, и ей нечем было себя занять. Иногда ей казалось, что она стоит за кулисами театра и наблюдает за пьесой из своей жизни, причем главную роль она играет, только когда возле нее Паскуале.

Она вернулась в номер без пяти час. В своем излюбленном наряде - простом белом с застешкой сверху донизу сарафане. Под ним были только белые кружевные трусики.

Взяв книжку, она уселась на диван в ожидании Паскуале.

Ждать пришлось долго.

В половине третьего его все еще не было. Зуки позвонила, чтобы ей принесли сэндвич, но почти к нему не притронулась.

Потом она начала беспокоиться. Что, если с Паскуале произошел несчастный случай? Господи, она знала лишь, что он пошел по делу, но куда? Он мог быть где угодно.

Она уже была вне себя от волнения, когда вдруг без десяти минут четыре зазвонил телефон. Зуки схватила трубку, словно от этого звонка зависела ее жизнь.

- Паскуале?

Наступила пауза, затем женский голос спросил:

- Мисс Франклин?

- Да.

- Паскуале - синьор Калиандро - попросил позвонить вам и сказать, что, к сожалению, он задерживается дольше, чем предполагал.

- Могу я с ним поговорить? - спросила Зуки.

- Мне не хотелось бы его беспокоить, - сдержанно ответили на том конце.

- Понимаю. - В голосе девицы слышалась насмешка, или ей это просто показалось? Набрал воздуха, Зуки сказала: - Спасибо, что позвонили.

- Не стоит. - Раздался щелчок, и телефон умолк.

Зуки почти швырнула трубку и стала ходить взад-вперед по гостиной.

Как он смеет? - кипятилась она. Как он смеет заставлять ее так долго ждать, а потом просить какую-то девицу, какую-то подхалимку - или кто она там - позвонить ей через три часа, чтобы сообщить, что он опаздывает? Кем он ее считает? Какое имеет право так с ней поступать?

Внезапно Зуки остановилась. Она же его любовница, вот кто она. Так поступают мужчины с женщинами, с которыми, кроме спальни, нигде не бывают. Секс - это пожалуйста, а вот уважения - ноль!

Еще никогда в жизни она так не злилась. Ее просто всю трясло. Тут она увидела лежавший на столике бумажник Паскуале, и ее осенило. Ну что ж, если ему угодно относиться к ней как к любовнице, она и поступит так, как полагается любовнице.

Ничуть не раскаиваясь, она бегло просмотрела содержимое бумажника и, найдя то, что искала, выбежала из номера, спустилась вниз и села в такси.

Зуки вернулась в шесть, нагруженная многочисленными пакетами. Она понесла их прямо в спальню и обнаружила лежавшего на кровати Паскуале. На нем были только джинсы. Он внимательно смотрел на нее из-под полуопущенных век.

- Привет, - сказал он непонятным ей тоном. - Я уже начал беспокоиться, куда ты подевалась?

Зуки бросила пакеты на пол и, упрямо сжав губы, сердито на него посмотрела.

- Неужели?

- Конечно, - мягко, но несколько настороженно ответил он. - Где ты была?

- Какое право ты имеешь спрашивать, где я была! Ты же никогда не говоришь мне, где бываешь!

- Ты меня никогда об этом не спрашиваешь. Тебя вообще не интересуют мои дела, разве не

так?

- Это потому, что я твоя любовница! - крикнула она. - А у любовниц нет прав, не так ли? Только в спальне!

У него задергалась щека.

- Так ты скажешь мне, где ты была?

- Скажу! Конечно, скажу! Я ходила... - Зуки намеренно замолчала и рассыпала на столике его кредитные карточки, - за покупками, - подчеркнула она.

- Это прекрасно, - ровным голосом произнес он. - И что ты купила?

- Все, что мне понравилось, - пожала плечами Зуки. - Я потратила несколько сотен фунтов по твоим кредитным карточкам. Надеюсь, ты не против - ведь любовницы именно так поступают, Паскуале: тратят, а потом приходят огромные счета.

В глазах Паскуале появилось что-то жесткое и пугающее, но ответил он абсолютно спокойным голосом:

- Значит, ты считаешь, что я обращаюсь с тобой как с любовницей? О нет, - покачал он головой. - Но если хочешь, я могу продемонстрировать тебе, как на самом деле обращаются с любовницами. - Он скользнул взглядом по ее телу. - Покажи мне, что ты купила, - приказал он бархатным голосом.

Зуки сглотнула. Под его взглядом злость ее прошла, а от его слов что-то сжалось у нее внутри.

Она поняла, что зашла слишком далеко.

- Я могу с тобой рассчитаться...

- Показывай, - тихо повторил он.

С бьющимся сердцем она достала первую попавшуюся ей вещь - короткое облегающее платье из лайкры.

- Надень, - потребовал он.

- Паскуале, я не хотела...

- Надень, - грубо прервал он ее. - Давай!

Трясущимися пальцами она стала расстегивать пуговицы сарафана и увидела, что он расстегивает ремень своих джинсов.

- Паскуале! - в испуге вскрикнула она.

- Снимай быстрее, - сказал он, продолжая раздеваться.

Дрожа от возбуждения, она сняла сарафан, оставшись в одних трусиках. Он отшвырнул в сторону джинсы, и Зуки страшно покраснела, увидев, как он возбужден. Быстрым движением она попыталась натянуть черное платье.

- Нет! - Его глаза горели. Он молча долго смотрел на нее, прежде чем сказать: - Снимай трусики.

- Паскуале...

- Снимай, - повторил он.

Зуки стала спускать трусики, но она была так возбуждена, что едва смогла переступить через них. Бросив ее на кровать, он грубо, без всяких ласк, овладел ею. Зуки должна была бы почувствовать стыд, унижение - но на самом деле она еще никогда не испытывала такого наслаждения. С губ ее сорвался крик, и она стала судорожно двигаться под ним. Вскоре Паскуале затих, а потом перекатился на спину.

Они оба молчали, слышно было лишь их прерывистое дыхание. Паскуале смотрел в потолок с каменным лицом, тело его было напряжено как для борьбы. Он, казалось, не замечал даже, что она вообще в комнате, не то, что рядом.

А когда пожар в крови утих, Зуки почувствовала себя совершенно опустошенной. Она стала его любовницей. Он не заставлял ее - она одна во всем виновата. Это она только что спровоцировала его на это ужасное совокупление без любви. На что еще они будут толкать друг друга, прежде чем все вообще закончится?

Именно в эту минуту Зуки поняла, что ей необходимо уйти из его жизни, пока он окончательно не погубил ее, не лишил самоуважения. Она глубоко вздохнула, приготовившись к достойному отступлению и понимая, что не сможет одеться, пока он лежит рядом. А если Паскуале станет настаивать на том, чтобы она осталась? Использует свое неотразимое обаяние, и силу, и сексуальность, чтобы заставить ее передумать?

Нет, молча поклялась она. Не надо ей никаких слов, тем более - унижений. Ей надо выбраться отсюда. Из его номера, из его объятий, из его жизни. Она зарылась в подушку и задышала ровно, притворяясь, что заснула.

Паскуале пару раз повернулся к ней, но не сказал ни слова, а через какое-то время, показавшееся ей вечностью, по его ровному дыханию она поняла, что он заснул.

Из боязни разбудить его она не рискнула одеваться в спальне, а, захватив свою одежду, как вор пробралась в холл. Наскоро причесав спутанные волосы, она попыталась стереть подтеки туши. Но лицо и весь вид выдавали в ней женщину, которая только что бурно провела время в постели с мужчиной. Так что ей пришлось собрать всю свою гордость, чтобы с достоинством встретить многозначительный и насмешливый взгляд портье.

- Могу я чем-нибудь помочь, мисс?

- Да, - с достоинством ответила она. - Мне нужны конверт и бумага, пожалуйста. И ручка.

Записка была короткой и деловой: *«Ты заплатил за это 5 миллионов долларов. Надеюсь, не зря, Зуки»*.

Вложив записку в конверт, она заклеила его и передала портье.

- Будьте добры, позаботьтесь, чтобы синьор Калиандро это получил.

- Да, мисс.

Выходя из отеля, она вдруг подумала о том, что сегодня в первый раз Паскуале забыл предохраниться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Старинный звонок у входной двери мелодично, но настойчиво звенел, тем не менее, Зуки решила не открывать. Однако кто-то звонил все более настойчиво.

- Иду! - крикнула она, положив кисть и критически оглядывая большое полотно, над которым трудилась последние две недели.

Признайся, думала она. Мазня! Абсолютная мазня! Ты перевернула всю свою жизнь, чтобы осуществить давнюю безумную мечту, а оказалось, что ничего не выходит. И ты знаешь, почему. Вообще-то говорят, что разбитое сердце служит вдохновением для творчества. У нее явно не тот случай...

Звонок прозвенел в третий раз.

Ладно! Открыв дверь, она столкнулась с грозным взглядом темных блестящих глаз, и чуть было не потеряла сознание.

- П-Паскуале... - с дрожью в голосе произнесла она, сразу ослабев. Затем сделала глубокий вдох. - Я не желаю тебя видеть, - сказала она строго.

- Конечно. Ты достаточно ясно дала это понять.

- Паскуале! - воскликнула она, когда он переступил порог. - Что ты себе позволяешь?

- Вхожу. А что?

- Не смей этого делать!

- А я уже сделал.

Он увидел ее бледное, осунувшееся лицо, волосы, завязанные в хвост.

А она не могла оторвать взгляда от человека, о котором запретила себе думать. Его волосы были всклокочены, щеки и подбородок темнели от невыбритой щетины, элегантный шелковый галстук небрежно болтался на шее. Паскуале был похож на человека, одевавшегося в спешке, и ревность услужливо подсказала ей, в чем причина.

- Ты пришел угрожать мне судом за нарушение контракта... - начала она.

- Нет, Зуки, - перебил он ее. - Я здесь не поэтому.

Зуки сглотнула. Крошечный загородный домик, который она сняла, стал казаться не больше кукольного в присутствии этого высокого, темноволосого, мрачного человека.

- Как, черт возьми, ты меня нашел?

- Это было нелегко, - признался он. - Ты ведь уехала так неожиданно, не сказав никому ни слова. Я понял, что твой выбор окончателен.

- Ты правильно понял.
- Вижу.
- Просто удивительно, как тебе удалось меня найти?
- Мне, в конце концов, сказала твой агент.
- Карли? Какого черта она это сделала? Ведь я ей строго-настрого приказала...
- Я смог ее уговорить.
- Ты не имел на это права.
- Неправда, Зуки, - у меня есть все права, включая право знать, носишь ли ты под сердцем моего ребенка.

Сердце Зуки бешено забилося.

- Паскуале, я...
- Да или нет? - потребовал он.

Земля, казалось, завертелась у нее под ногами.

- Ты беременна? Мне нужно это знать.
- Нет, - спокойно ответила она, ощутив внезапно солоноватый привкус во рту. Она поняла, что не беременна, спустя неделю после того, как уехала из отеля, но это открытие не принесло ей облегчения. Напротив, она проплакала весь день, словно ее лишили чего-то бесценного.

Паскуале вздохнул с явным облегчением, и Зуки ужаснулась тому, как глубоко это ее ранило. А что бы он стал делать, если бы она была беременна? - с горечью подумала она.

- Зачем тебе это знать?

Паскуале взглянул на Зуки, прищурившись, как будто его удивил ее вопрос.

- Зачем? - с насмешкой в голосе повторил он, и Зуки почувствовала, как в ней поднимаются гнев, и печаль, и боль, которые она так долго в себе подавляла.
- Да, зачем? Или ты имеешь обыкновение преследовать своих бывших партнерш, чтобы узнать, станешь ли ты папашей?
- Как правило, - холодно смерил он ее взглядом, - они так быстро не убегают из моей постели.
- Да уж, наверняка, - выпалила она с пылающим от ревности лицом. - Не беспокойся, Паскуале, на этот раз тебе повезло...

- Повезло? - воскликнул он. Задумчивость во взгляде сменилась еле сдерживаемым гневом, а в голосе послышалось недоумение. - Мне как раз не повезло, потому что мне не удалось сделать так, чтобы ты забеременела. А у меня было такое намерение, - подчеркнул он, глядя на нее с вызывающим высокомерием.

- У тебя... намерение? - переспросила она слабым голосом.

- Естественно. Я всегда предохраняюсь. Но в тот раз с тобой - нет. И поверь мне, Зуки, это не было случайностью. То была запланированная оплошность. Хотя при тех обстоятельствах забыть было не так уж трудно - ты вызвала во мне такую жгучую страсть, что я просто потерял голову.

Недоверие боролось в ее душе со страстным, первобытным желанием. Она пыталась вникнуть в смысл его слов.

- Ты хочешь сказать... - запинаясь пролепетала она, - что ты хотел, чтобы я забеременела?

- Я занимался с тобой любовью, - поправил он ее. - Но если бы я в это время сделал тебя беременной, я был бы очень счастлив.

Голова у нее шла кругом.

- Но зачем ты это сделал? - Она была в полном недоумении.

Паскуале немного помолчал, потом кивнул головой, словно принял какое-то решение.

- Я вовсе не горжусь тем, как к тебе относился, Зуки. Не задумываясь, я лишил тебя целомудрия. Несправедливо обвинял тебя в том, чего ты никогда не делала, и мне за это страшно стыдно.

Но он не ответил на ее вопрос.

- Я все еще не понимаю, почему ты хотел, чтобы я забеременела?

- Неужели? Правда не понимаешь? - Он странно посмотрел на нее. - Почему мужчина вдруг понимает, что он хочет быть все время, днем и ночью, с одной женщиной? Почему он хочет, чтобы определенная женщина, и только эта женщина, стала матерью его детей? Это называется любовью, Зуки. - Его голос стал совсем тихим. - Что же делает этот мужчина, когда женщина, которую он любит, дает ему ясно понять, что не чувствует того же к нему? Я так безумно хотел, чтобы ты была моею, что готов был привязать тебя самым надежным способом - ребенком.

Не веря своим ушам, она хотела было что-то сказать, но голос ее не слушался. Он только что признался ей в любви, но она не верила его словам.

- Ты лжешь, Паскуале, - наконец нашлась она. - Ты лжешь!

- Я не лгу, Зуки. Разве тебе не понятно, что я люблю тебя? Люблю с тех пор, как впервые увидел тебя подростком у нас дома, великолепную копну твоих волос, отливающих золотом на солнце. А твоя манера опускать голову и смотреть на меня искоса своими золотистыми глазами просто сводила меня с ума, пробуждая низменные желания, не дававшие мне спать по ночам. Однако я не смел признаться в своих чувствах и старался их побороть. Я отчаянно пытался смотреть на тебя как на школьную подругу своей младшей сестры, но все время чувствовал себя виноватым - ведь чем чаще я тебя видел, тем все больше хотел. После той грозовой ночи мне стало легче тебя ненавидеть, чем признаться в том, что я тебя люблю.

Все это ложь, ложь, говорила себе Зуки, отчаянно пытаясь заглушить надежду, вызванную его словами.

- Но ты же выгнал меня из дома. Помнишь? Оскорблял меня и всячески старался унижить...

- А ты не понимаешь, почему? - спросил он. - Ты еще была школьницей. Господи, тебе же было всего семнадцать! Я был гораздо старше, опытней, а ты - почти ребенок, гость в моем доме, и я был за тебя в ответе - морально и физически. Я не имел права злоупотребить своим положением или силой. В ту ночь я почти потерял над собой контроль - я, который никогда в жизни не терял головы! И я не был честен сам с собой.

- Честен? - не поняла она. - Каким образом?

- Я позволил себе притвориться, будто не знаю, что занимаюсь любовью с тобой, что нахожусь в полусне и что рядом со мной другая женщина. Я позволил себе поверить в то, что ты безнравственна и оказываешь дурное влияние на мою сестру.

В душе я давно подозревал, что Франческа после смерти матери вела себя в пансионе не слишком хорошо, но не хотел себе в этом признаваться. Отец совершил ошибку, отослав ее в Швейцарию, а я эту ошибку поддержал. Но в то время отец был больше занят красивой молодой женой, а не судьбой Франчески.

Мне легче было приписать тебе дурное влияние на мою сестру. Только так я мог справиться с осознанием того, что почти занялся любовью с такой молодой девушкой. Лишь презрение к тебе могло удержать меня от желания любить тебя снова и снова. Ведь, как бы я ни желал тебя, ты была очень молода. Слишком молода.

Он замолчал. Глаза его сверкали, как горящие угли.

- Но я никогда не забывал тебя, не переставал хотеть тебя. И когда мне доводилось читать о твоих предполагаемых связях с мужчинами, то это лишь укрепляло мое предвзятое мнение о тебе как о красивой, но ветреной женщине.

- Ты считал, что я такая же, как твоя мачеха? - догадалась она.

Так вот какой тип женщины повлиял на его взгляды!

- Боюсь, я совершил древнейшую из ошибок и судил женщин, разделив их всего на две категории.

- И я, разумеется, не попала в категорию Святой Девы? - сухо спросила Зуки.

- Верно. Когда я узнал от своей секретарши, что ты тайно уехала на уик-энд с ее женихом, который когда-то обожал тебя, я подумал, что смогу вернуть тебя в свою жизнь.

- Погоди - значит, ты начал вести переговоры о покупке компании еще до того, как встретил меня на юге Франции? - недоумевала Зуки.

- Конечно же, - улыбнулся он. - А ты думала - наоборот?

- Ну да!

- Сага, это только в сказках все происходит быстро, а в жизни невозможно просто вот так, сразу, купить такую компанию, как «Формидабль», - на это уходят месяцы. С одной стороны, меня сжигала ревность при мысли о том, что ты развлекаешься с Сальваторе, а с другой - я был рад возможности снова тебя увидеть до того, как предложить тебе работать в моей

компании.

А когда я тебя увидел, то понял, что все еще к тебе равнодушен. Но снова стал сопротивляться. Попытался уверить себя, что ты воплощение всего того, что я презираю в женщинах. Временами мне даже удавалось убедить себя, что я тебя ненавижу. Но чаще...

- Ты и в «Франклин моторз» решил вложить деньги, потому что...

- Потому что у меня должно было быть хоть что-то в запасе, если ты откажешься работать на «Формидабль», что было вполне вероятно.

- Безжалостный зверь, - заявила она, но про себя подумала: Паскуале купил одну компанию и вложил деньги в другую, потому что любит ее! Она даже похолодела от восторга.

- Вот чего я не понимаю, так это почему ты не подавала в суд на эти чертовы газеты за всю ту ложь, которую они печатали о тебе, если, как я теперь знаю, я был твоим первым и единственным любовником?

- Я была вынуждена так поступать, - пожала Зуки плечами, - было бы слишком много склок. К тому же у меня не было никакого желания, чтобы меня по косточкам разбирали в суде.

- Я должен был догадаться, Зуки, - смешался он. - Мне следовало бы знать, что ты честна и порядочна по сути своей. В тебе было слишком много гордости и достоинства, чтобы иметь такие беспорядочные связи. Мои аргументы против тебя отпадали один за другим, и теперь единственное, что осталось неизблемым, - моя любовь к тебе.

- Почему же ты просто не рассказал обо всем этом? Почему не признался, что любишь меня, вместо того чтобы нести всю эту чушь по поводу любовницы?

- Во-первых, мешала гордость. Я был убежден, что после всего того, что я наговорил и сделал, такая крутая перемена была бы неправдоподобной... Я не был уверен, сможешь ли ты меня простить. Я совершенно не понимал, как ты ко мне относишься, и решил продвигаться медленно, шаг за шагом.

Я думал, что, если дам тебе время, ты перестанешь сердиться, и твои чувства постепенно изменятся. Но не получилось. Вместо того чтобы стать ближе, мы все больше отдалялись...

- Мне была противна сама мысль о том, чтобы стать твоей любовницей. Я чувствовала себя униженной.

- Тогда, черт побери, почему ты мне об этом не сказала?

- Тоже из гордости. Я думала... я надеялась... что мне не придется... что ты догадаешься. Паскуале, - продолжала она в отчаянии, - неужели ты не задумывался над тем, почему я позволила тебе лишиться меня целомудрия? - Она вдруг запнулась на последнем слове.

Старомодное слово. Но оно ей понравилось. Паскуале поднял вверх руки, прося о пощаде.

- Я был настолько без ума от тебя, что не пытался разобраться до тех пор, пока ты не уехала. А когда задумался, то понял, что если бы ты меня не любила, то не отдала бы мне свою самую большую ценность...

Он замолчал и смотрел на нее глазами, полными мольбы.

Очень нежно Зуки дотронулась до его щеки.

- Больше всего на свете мне бы хотелось, чтобы я была беременна от тебя.

- Зуки?

- Да, я люблю тебя, - улыбнулась она. - Я всегда любила тебя, глупый ты человек, - разве ты этого не знаешь? Паскуале...

Она не успела договорить, потому что оказалась там, где ей больше всего хотелось быть, - в его объятиях.

Паскуале стал целовать ее так, будто только что узнал, что такое поцелуи. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял голову и серьезно посмотрел на Зуки.

- Помнишь, я говорил, что работающие женщины должны ради детей оставить карьеру...

- Ммм...

- Забудь об этом.

- Забыть? Как великодушно с твоей стороны, Паскуале, - отозвалась она шутливо.

- Разве я могу диктовать тебе какие-то условия? Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива.

- Настолько, что готов пожертвовать своей теорией воспитания детей?

- Конечно, моя дорогая, - он чуть пожал плечами. - Ты делаешь большие успехи в бизнесе, и карьера важна для тебя, я это знаю. Не могу же я требовать, чтобы ты отказалась от всего, чего добилась.

- Можешь, - решила она облегчить его переживания.

- Гмм? - Он наклонился, чтобы поцеловать ее нежную шею, но, внезапно выпрямившись, с удивлением посмотрел на нее. - Что ты сказала?

- Что я с тобой согласна, - ответила она, довольная тем, что он сбит с толку. - Я считаю, что мать должна сама воспитывать своего ребенка, если она этого хочет. А я хочу.

- Недавно ты говорила совсем другое, - с укоризной сказал он. - Ты попыталась разнести в пух и прах все мои аргументы.

- Это потому, что мы говорили о проблеме вообще, - твердо заявила она. - Я пыталась защитить Франческу. Назови это женской солидарностью, если тебе угодно. Но если говорить серьезно, Паскуале, работа модели потеряла для меня в последнее время свою привлекательность. Помнится, ты говорил, что мне стоит профессионально заняться живописью. Это-то я и пытаюсь сделать с тех пор, как переехала сюда. А живопись совместима с семейной жизнью.

Только сейчас он посмотрел оценивающим взглядом на ее картину.

- Что ты об этом думаешь?

- Не... не самая лучшая твоя работа, моя дорогая, - нерешительно ответил он.

Зуки вздохнула с облегчением. Он любит ее! Любит настолько, что говорит правду!

- Я знаю: на самом деле мазня. Но я была так несчастна...

- А почему ты была несчастна? - с невинным видом спросил Паскуале, начав расстегивать ее блузку.

- Ты отлично знаешь, почему, - ответила она, откинувшись, чтобы ему было легче справиться с пуговицами.

- Почему же не сказать? - предложил он, и блузка полетела на пол. - А еще лучше - показать. А потом мы можем обсудить нашу свадьбу.

- Нашу свадьбу? Что-то не припоминаю, чтобы ты предлагал мне выйти за тебя замуж.

- Это легко поправить, - пробормотал он, увлекая ее в спальню. - Выйдешь за меня замуж, моя прекрасная, золотоглазая девочка?

- Ты прекрасно знаешь, что выйду, самонадеянный дикарь!

- Но мы поженимся скоро, очень скоро, - сурово сказал он. - Я не собираюсь долго ждать. Я тебе уже говорил, что я...

- ...человек нетерпеливый! - закончила она за него, смеясь. - Я тоже не слишком терпеливая женщина, так что давай поскорее займемся любовью, Паскуале!

- Amore mio, [8] - тихо прошептал он, ложась рядом с нею.

Потом с обожанием посмотрел на ее прелестное лицо и начал медленно его целовать.

вернуться

8

Любовь моя (ит.).